

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

МАЛЬТИЙСКИЙ КРЕСТ. Том 1

НОВЫЙ
РОМАН
ОТ АВТОРА
ЛЕГЕНДАРНОГО
«ОДИССЕЯ»!

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

**Мальтийский крест.
Том 1. Полет валькирий**

«Звягинцев Станислав»

2010

Звягинцев В. Д.

Мальтийский крест. Том 1. Полет валькирий / В. Д. Звягинцев —
«Звягинцев Станислав», 2010 — (Одиссей покидает Итаку)

ISBN 978-5-699-46133-2

Судьбы двух реальностей, – нашей, со всеми выкрутасами российской демократии, и альтернативной, где Россия – могущественная Империя, способная адекватно ответить на вызовы азиатско-африканского «Черного интернационала», – неожиданно оказываются переплетены гораздо теснее, чем предполагали Шульгин, Новиков, Левашов и их соратники по «Андреевскому братству». Акции антикоррупционной «Черной метки» в первой, заставившие президента страны со всем вниманием отнестись к предложениям этой загадочной организации, и разборки в Одессе, во второй, обратившие на себя внимание Императора, походят друг на друга не только по конечным целям, но и... по составу участников, появления которых на «театре возможных действий» и представить было нельзя. Однако иногда невозможное становится возможным, неся с собой грядущие перемены...

ISBN 978-5-699-46133-2

© Звягинцев В. Д., 2010

© Звягинцев Станислав, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Василий Звягинцев

Мальтийский крест.

Том 1. Полет валькирий

Глава 1

Лихарев вылетел из тренировочного лагеря Дайяны на самом большом из имевшихся там флигеров. С собой он взял семерых девушек выпускной группы – полное отделение. Работы предстояло много, с меньшим количеством он просто не управился бы за разумное время.

Новиков с товарищами безусловно навели на базе достаточно шороха, чтобы дуггуры призадумались. Едва ли немедленно повторят попытку вторжения. Рано или поздно наверняка повторят, но не в ближайшие же сутки! После тяжёлого боя с неожиданными и громадными потерями положено привести расстроенные ряды в порядок, проанализировать ошибки, оценить ситуацию, наметить новую тактику. Кем бы они ни были, наспех такие дела не делаются.

А Валентин пока успеет удалить из архивов машин кое-какие опрометчиво оставленные там данные, в нужную сторону перенастроит уцелевшие программы, чтобы попытавшиеся с ними работать «посторонние» получили несколько малоприятных сюрпризов, ну и перегнать в посёлок ещё семь флигеров, загрузив их всевозможной боевой техникой, а главное – гравиакумуляторами, которые весьма пригодятся для грядущих битв. Да и на Земле они не будут лишними, когда Валентин надумает туда вернуться. И не только для него.

Курсантки, одетые по-боевому, в тёмно-синие обтягивающие комбинезоны, вооружённые автоматами и пистолетами, выглядели весьма эффектно, даже на взгляд Лихарева, вроде бы уже успевшего к ним привыкнуть. В общей массе и в повседневных костюмах они не производили столь яркого впечатления. Шарма им придавало и приподнято-возбуждённое настроение. Все они чувствовали себя как юнкера накануне производства в офицерский чин.

Только те переходили в новое качество, оставаясь теми же самыми людьми, что и накануне, а эти, вернувшись с задания, официально превратятся из «условных» в полноценных личностей. Так решила Дайяна, и Валентин с ней согласился.

Над левыми нагрудными карманами они впервые прикрепили ленточки с нормальными человеческими именами.

Пусть обряд «инициации» по-настоящему прошли только Анастасия, Мария и Кристина – девушки, сдавшие зачёт по курсу практической сексологии. Дайяна, планируя скорое возвращение на Землю, собиралась использовать своих воспитанниц в качестве невест для наиболее перспективных фигур высшего света. А в этом деле умение с первой же встречи вызвать у объекта вспышку неконтролируемой страсти (или возвышенной любви) и в дальнейшем этим чувством умело руководить – главное, если не всё. У Марии и Кристины получилось, как учили, у Анастасии – наоборот. Узнай Дайяна, вместо зачёта девушка имела бы серьёзные неприятности. Вплоть до перевода в обслуживающий персонал¹.

Остальные четверо из их группы, пусть для них в этот раз учебного материала не нашлось, тоже были сочтены достойными, прежде всего из соображений прагматических – чтобы не разбивать сложившуюся «тактическую единицу», подобранную по принципу психологической взаимодополняемости и настроенную на коллективное решение будущих задач.

– Ну, девочки, полетели, – сказал Валентин, садясь на пилотское место.

¹ См. роман «Ловите конский топот».

Рядом, положив автомат на колени, устроилась Анастасия, по бывшему списочному номеру в своей группе всего лишь третья (287), а выше неё раньше считались теперешние Марина (285) и Герта (286), но с присвоением имён иерархия изменилась. Они отступили на нижние ступеньки, как и Инга (288), и Людмила (290). Зато, благодаря наведённой Новиковым подпрограмме, Настя ощущала себя лидером, держалась соответственно, и, что самое интересное, никому не приходило в голову эту роль оспаривать. Очевидное преимущество аггрианской системы. В коллективах настоящих земных женщин внезапные статусные перестановки безболезненно не проходят.

Если бы Лихарев видел фильм «Белое солнце пустыни», он наверняка вспомнил бы Гюльчатай: «Господин назначил меня любимой женой». Таких внезапных выдвиженков, в соответствии с обычаями гаремов, обычно тем или иным способом устранили. Если они не успевали своевременно принять нужные контрмеры.

Здесь же девушки без малейших споров и даже сомнений разместились в пассажирском отделении, оживлённо переговариваясь исключительно на темы, имеющие отношение к предстоящему делу. Да других у них пока что и не было. Всё впереди.

Лихареву не только разговаривать с бойцами своего отделения, но и просто смотреть на них было интересно. Психологически. Он сразу обратил внимание, насколько иначе, чем их подруги, держатся курсантки, всего несколько часов пообщавшиеся с лидерами «Братства». Будто успели получить какие-то специальные инструкции и обещания на будущее. Возможно, так оно и было. О способностях Новикова, Шульгина и Левашова он имел достаточные представления. А если даже никакой специальной вербовки не произошло, значит, сам факт проведённой с настоящими мужчинами ночи изменил их самоощущение и самооценку. Не удостоившиеся подобной чести подруги с этим безоговорочно согласились.

У Дайяны на них свои планы, у него – свои. После встречи с членами «Братства» он убедился, что препятствий к его возвращению в Кисловодск они чинить не станут. И что в таком случае его теперь связывает с «хозяйкой»? Сидеть на Таорэре и ждать очередного вторжения дуггуров нет никакого смысла. Вся затеянная им под нажимом Дайяны авантюра выглядела откровенной глупостью.

Впрочем, это ещё как посмотреть. Очень может быть, что всё случившееся – к лучшему. Сейчас они с девушками слетают на базу, сделают, что наметили. Будет время накоротке поговорить с каждой, сообразить, кто чего стоит. Намекнуть на достаточно близкие отношения с восхитившими их мужчинами. Пообещать, что после перемещения на Землю придумает им занятия поинтереснее того, к чему готовила их «хозяйка».

Одним словом, он начнёт формировать свою «пятую колонну».

И, как от Сталина в тридцать восьмом, выбрав подходящий момент, сбежит «домой», в 2006-й. А при чём тут кавычки? Действительно домой, где его ждёт Эвелин, наверняка напуганная, расстроенная, впавшая в панику от его исчезновения. Одна, в чужой стране... Подгадать по времени, чтобы вернуться через два-три дня, как-то всё ей объяснить и продолжить прежнюю жизнь, ещё раз согласовав с «братьями» дальнейшие «условия и правила совместного плавания». Больше он таких пробоёв не допустит²...

Лететь было не очень далеко. Даже на половинной скорости минут двадцать – двадцать пять. Установив направление и высоту, Валентин повернулся к Анастасии. Девушка с интересом смотрела на разворачивающийся внизу дикий горный пейзаж. Скорее всего, так далеко она от лагеря никогда не бывала.

– Нравится? – спросил он как можно более мягким и благожелательным голосом. До этого Валентин Валентинович с курсантками общался мало, Дайяна предпочитала, чтобы он

² См. роман «Хлопок одной ладонью», т. 2.

занимался другими делами, вне воспитательного процесса. Оберегала свою епархию, как мать-настоятельница – послушниц от контактов с мирянами противоположного пола.

– Восхитительно. Летела бы и летела... Представляю, как хорошо будет на обратном пути самой сесть к пульту...

– Да, это приятно. Особенно поначалу. А вот ты мне скажи, пожалуйста, Андрей Дмитриевич тебя в гости приглашал?

Анастасия всё случившееся между ней и Новиковым в деталях доложила Дайяне и не могла, по идее, что-либо утаить или исказить, но мало ли... По собственному опыту знал, как аккуратно иногда удаётся обходить вроде бы категорические императивы.

– Нет. – Она посмотрела на него ясными глазами. – Сказал только, что если ещё придётся встретиться, поможет мне устроиться в новой жизни, во всём, что от него зависит.

– И ты ему поверила?

– Как же можно не поверить? Такому человеку! – В голосе девушки прозвучало искреннее удивление и даже некий намёк на возмущение. – Вы же его знаете намного лучше меня...

– Это так, – ответил Лихарев. – Верить ему можно и даже нужно. Только где же вы с ним можете встретиться? При его образе жизни...

– Неважно. Где-нибудь наверняка встретимся. Он ведь не стал бы напрасно говорить...

– Завидую я тебе, – машинально сказал Валентин, всматриваясь вдаль.

– В чём? – Настя относилась к тому типу натур, которые любят во всём добираться до сути.

– Вообще. Блажен, кто верует, тепло ему на свете... Смотри, смотри, что это там?

Он сдвинул с верхней кромки лобового стекла электронно-оптический бинокляр, подался вперёд, поворачивая верньер трансфокатора.

– Ох ты, чёрт! Натуральная боевая «медуза»...

Да, это был не тяжёлый, почти не вооружённый транспорт, а нечто вроде штурмовика, или, если по морскому – лёгкого крейсера. Значит, после учинённого «братьями» разгрома сюда срочно выдвинулись силы прикрытия. Для предварительной разведки или с целью немедленно нанести карающий удар по дерзкому противнику.

– Уходим, Настя, уходим, – сквозь зубы процедил Лихарев, закладывая крутой вираж со снижением. – Нам против такого не выстоять... Ах ты, мать вашу! – не стесняясь девушки, он завернул от души. Чему-чему, а специфической лексике самых разных слоёв общества Гражданская война его научила.

Снизу-слева наперехват выходила ещё одна такая же мерзкая штуковина.

– Давай, Настя, к бою! Стреляй по готовности!

Девушка, не задумываясь, на автомате, запорхала пальцами над пультом управления гравипушкой.

Не прошло и пяти секунд, как она поймала косо летящую, похоже, разворачивающуюся в их сторону мантией и щупальцами «медузу» в визир прицела, выплеснула ей навстречу гравитационный конус. Мощности заряда хватило, объект на глазах смялся в комок, как пластилиновая фигурка в кулаке, с двадцатикратным, против нормального, ускорением провалился вниз, на заснеженные скалы.

– Есть! – восторженно закричала Анастасия, испытывая естественную радость от первой победы в воздушном бою.

Лихареву восторгаться было некогда. Он разворачивал флигер навстречу атакующему сверху противнику. И уже чувствовал, интуитивно, что не успевает. И Настя тоже не успеет, они наверняка уже «на мушке». Всё же не на «И-16» или «Чайке» он летит, и сам не Чкалов, не Серов...

Девушка ещё не догадалась, что – всё, приехали! И остальные, за спиной – тем более. Валентин выплюнул последнее короткое, как промелькнувшая жизнь, ругательство, ожидая... последнего (теперь точно не «крайнего») мига...

Терять было нечего, Лихарев попытался изобразить нечто вроде «боевого разворота» в противоположную от «медузы» сторону и...

Полностью поглощённый усилием вывернуться из-под удара и одновременным ожиданием «одномоментного и полного разрушения организма», при котором никакой гомеостат не поможет, он не успел осознать, каким образом окружающий мир вдруг разительно изменился.

Другого цвета небо в полосках перистых облаков окружало их, вместо остроконечных пиков и хребтов внизу гладкая зелёная равнина с разбросанными там и тут купами деревьев. Высота – около километра. Неуправляемый флигер с креном скользил в сторону куполообразного, заросшего то ли высоким кустарником, то ли низким лесом холма.

– Что такое, что случилось, где мы? – не испуганно, но крайне удивлённо вскрикнула Настя, не столь поглощённая ожиданием смерти и, по молодости, увидевшая всё другое быстрее и ярче.

– В раю, – криво усмехнулся Лихарев, выравнивая машину. Да, можно и так сказать. Они, считай, уже почти умерли, а как назвать место, куда попадают после того? На ад не похоже, значит...

Главное – понять, кто это так своевременно вмешался? Дайяна – вряд ли. Просто не успела бы. Мог кто-то из «Братства», если специально назначенный человек постоянно отслеживал их маршрут. Тогда почему просто не ликвидировали вражеские аппараты, вместо перехвата флигера другой реальностью? Или – снова «третья сила», и они сейчас оказались вообще неизвестно где и неизвестно для чего. Наконец – не есть ли это очередной ход «дуггуров»? Вместо выстрела на уничтожение – финт, вроде своеобразной «ловчей ямы». Загонщик ценой собственной жизни направил добычу в нужное место.

Всё это промелькнуло в сознании Валентина быстрее, чем рефлекс заставили выровнять машину по тангажу и крену.

И что теперь делать? Выбрать подходящее место и садиться или полетать ещё? Пейзаж подозрительно знакомый. Он повернул голову. Ну да, так и есть. И Бештау на горизонте присутствует, и прочие лакколиты³ Пятигорья. Километров двадцать по прямой, и выйдешь к точке, где и место для аккуратной посадки найдётся, и до дома недалеко. Знать бы только, в какое время их занесло.

Выяснить это можно не далее как через минуту. Ещё один вираж в сторону Змейки, рядом с которой должна проходить железная дорога, и всё станет понятно с точностью до столетия. Если её нет – первые две трети девятнадцатого и раньше. А если пути существуют, то по наличию или отсутствию столбов контактной сети станет ясно, какая здесь половина двадцатого. Повезёт увидеть идущий поезд – по экстерьеру локомотива и подвижного состава дата уточняется до пятилетки.

Но и этого не потребовалось. Слева, с противоположной от Анастасии стороны, раздался тихий голос:

– Живы? Ну и слава богу...

Валентин узнал Левашова. С огромным облегчением сообразил, что именно им и устроено чудесное спасение. Каким образом – тоже понятно. Почти.

– Это... Что это было? – пересохшим горлом, поперхнувшись, спросил он.

³ Лакколит – гороподобное образование, сформированное при вспучивании магматических пород, приподнимающих земную кору. (Или, более научно – «караваеобразный интрузив, образованный на месте отпрепарированных денудационных процессов». См. БРЭС, М. 2008).

– Спокойнее, – ответил Олег. – Не создавай ажиотажа среди вверенного контингента. Девушкам ничего не нужно слышать. Пока. Сначала разберёмся...

– Ага, – Лихарев покосился на Настю. Она, похоже, в смысл его междометий и отрывочных слов не вникала. Слишком сильны были впечатления от остального.

– Сажай машину на ближайшую полянку, и чтоб кусты вокруг погуще, тогда и поговорим...

Валентин так и сделал, благо это было нетрудно.

– Запросто. Таких здесь хоть пруд пруди.

Опять семантическая избыточность русского. При чём тут поляны и при чём пруд?

Об этом его спросила Анастасия. Оказалось, он ответил Левашову вслух, и она именно эту фразу целиком услышала.

– Ну, говорят так, – расслабившись и почти мгновенно начиная забывать о пережитом, тяжёлом с непривычки стрессе воздушного боя, ответил он. – «Хоть пруд пруди» – значит «неограниченно много». Почему так – спроси у Даля, Владимира Ивановича, шведа, составившего словарь «Живого великорусского языка» в 200 тысяч слов, плюс сорок тысяч пословиц и поговорок...

Легко очень стало на душе у Валентина, когда он с выключенным двигателем планировал к земле, зная, что всё плохое кончилось и умирать снова не пришлось. Отчего же и не порисоваться перед красавицей-девчонкой, которую он при других обстоятельствах охотно сделал бы своей любовницей.

Убедившись, что в радиусе нескольких километров некому заметить его приземление, Лихарев сбросил скорость до нуля и вертикально опустил флигер на жёсткую траву, пробивающуюся между выходящими на поверхность буграми и плитами жёлтого ракушечника. Откинул колпак фонаря. Поднялся на ноги и с трудом переступил через вырез борта. Не только лоб и волосы, вся спина под курткой была мокрой от пота.

Ватага девушек высадилась следом, с неприкрытым интересом, словно маленькие щенки или котят, впервые выпущенные на волю, возбуждённо осматриваясь, жадно втягивая незнакомые запахи...

Вольер, горный изолят, закрытое от мира учебное заведение – и вдруг абсолютная воля. Она ведь, воля, чувствуется, неизвестно каким органом, но безусловно. Стоило самому Лихареву попасть из сталинской Москвы тридцать восьмого в совершенно чужой две тысячи шестой год другой реальности, он осознал психологическую разницу в первые же минуты. Эгрегор, ноосфера и тому подобное...

Время суток здесь было совсем раннее, судя по положению солнца – часов около семи, учитывая, что попали они в начало осени. Часть кустов и деревьев оставались зелёными, большинство же сияли всеми оттенками жёлто-багряных тонов.

– Курсантки! – вновь ощутив себя командиром, а также и для поддержания порядка и конфиденциальности, возвысил голос Валентин. – Слушать мою команду. Оружие на изготовку. Выдвинуться радиально, с интервалом тридцать метров, по периметру поляны. Замаскироваться между деревьями. Ждать нападения со всех азимутов. Без команды огня не открывать. Исполнять. Анастасия – остаёшься при мне.

Минута – и девушки, прошедшие очень солидный «курс молодого бойца», растворились в окружающей местности. Довольные, радостные, готовые подтверждать и подтверждать вновь обрётённый статус до последней капли крови.

«Везёт же, – подумал Валентин, вспоминая себя в их возрасте и положении, – главное – ни малейших сомнений в смысле существования... Сейчас бы и мне так...»

А вот Анастасия выглядела другой. Или Новиков перестарался, вводя в неё свою программу (о чём Лихарев, разумеется, знать не мог, разве только догадывался), или она изначально оказалась «дефектным экземпляром», как он сам, как Ирина Седова...

Девушка смотрела на старшего не так, как подобало бы. Без почтения и восхищения. Место «старшего» для неё раз и навсегда занял Андрей Дмитриевич. Доминантно.

Хотела, наверное, что-то спросить, держа, согласно приказу, автомат на ремне под правым локтем и сторожко поглядывая по сторонам. Но тут возникла в трёх шагах знакомая сиреневая рамка, сквозь неё вышел навстречу Левашов, одетый в лёгкий рабочий костюм, принятый волей Воронцова на «Валгалле» – синий хлопчатобумажный китель ещё дореволюционного образца, такие же брюки, мягкие туфли на нескользкой подошве. По привычке к «вольности дворянства» крючки воротника и даже верхняя пуговица расстёгнуты, приоткрывая ворот тельняшки. Моряк-то Олег был настоящий, лет пять бороздил моря и океаны, «шарик» три раза обошёл, не считая десятков более коротких рейсов.

– Привет, Валентин, привет, Настя, – широко улыбнулся он. – С возвращением вас...

– Откуда и куда? – спросил Лихарев.

– Не мальчик уже, сам всё понимать должен. Это Настя не в курсе наших игр, а ты – вполне. На КМВ вы благополучно возвратились, в известный две тысячи шестой-дубль, откуда ты так опрометчиво отлучился.

«Надо же, – про себя удивился Лихарев. – Только подумал, что пора сматываться – и уже здесь. Да и девчонки со мной. Без всяких интриг и ухищрений».

– Самоволки – они, бывает, ой как плохо кончаются, – назидательно продолжал Левашов. – Так что тебе, считай, опять по-крупному повезло. А вот ей, – он кивком указал на Анастасию, – и остальным девчатам – уж и не знаю. Что живы остались – это конечно... Но домой они уже никогда не вернутся, однозначно. Придётся здесь устраиваться...

– Почему – не вернёмся? – недоумённо спросила девушка.

– Законы природы, – расплывчато ответил Олег. – Ты сходи за подругами. Минут через десять подходите все сюда. А нам нужно наедине кое-что обсудить.

Анастасия послушно повернулась и пошла в сторону опушки. Счастливая уже тем, что увидела ближайшего друга Андрея Дмитриевича. Очень возможно, что и он сам скоро появится... А ещё ей очень хотелось обрадовать Кристину.

Левашов сел на траву, оперся спиной о борт флигера, достал из одного кармана сигареты, из другого – обтянутую кожей фляжку.

– Угощайся. Повод есть, мне кажется.

Лихарев сделал пару больших глотков, вернул ёмкость Олегу.

– Так всё же? Хватит темнить...

– Никто не темнит. С воскрешением тебя. В самом буквальном смысле. Сбили вас в реале. В дым и мелкие дребезги. Хоронить было нечего, кроме нескольких железок. Андрей с Сашкой, вновь на Валгаллу вернувшись только через полтора месяца, ввиду обстоятельств, узнали про вашу «конфузию»⁴, огорчились, решили на условную могилку слетать, помянуть, как водится. Не чужие, сам понимаешь, люди.

– Как не понимать. Девушки, что с вами были, с тех пор прямо-таки бредят образами «настоящих мужчин».

Сказал это Лихарев странным тоном. Не очень Олегу понравившимся.

– А ты чего хотел? Сами же их подобным образом воспитывали, только в противоположных целях. Не тебе на эту тему иронизировать...

Левашов из всей компании казался Валентину самым мягким, временами «не от мира сего», но это только потому, что не приходилось им сталкиваться в серьёзных ситуациях. И сужившиеся глаза инженера отчётливо намекнули, как говорят в Одессе – «горячим утюгом

⁴ Конфузия – неловкое положение, неудача, безвыходное положение (устар.).

в грудь», что не стоит нарываться. Даже в случае кратковременного нервного расстройства, которое аггрианина безусловно посетило. Умирать и воскресать он пока ещё не привык.

– Усеки на всякий случай, если бы не эти девушки, лично тебя спасти едва ли кому в голову пришло. Поскольку в случае необходимости твой дубль легко и из тридцать восьмого ещё раз выдернуть. Как функциональная фигура – ничуть не хуже нынешней. Даже лучше, поскольку... свою роль исполнял бы и дальше, а весь кусок биографии с дурацкими инициативами – стёрся... Доходчиво?

Андрей и Сашка не поручали ему проводить воспитательную работу среди одного из Лихаревых, но Олег был человеком эмоциональным, с обострённым чувством не только справедливости, а и вообще.

Правда, сразу же взял себя в руки, ибо на уточнение позиций оставалось не так много времени, пока девушки не возвратятся.

– А раз доходчиво, в чём я отчего-то не сомневаюсь (он и шульгинские нотки умел подпускать при случае), слушай сюда и дальше. Ребята вдруг подумали, а нельзя ли и этот вариант переиграть? Прямо с вашего мемориала связались со мной и дали вводную. Я в тот момент находился на пароходе в районе тысяча девятьсот двадцать пятого. Опять на ваше счастье. Только оттуда можно было (с любой другой координаты – никак) выйти в параллельное будущее гораздо раньше, чем мы там побывали, переместившись из Замка. Ну, ты помнишь. Ещё помнишь?

Лихарева вопрос насторожил. Да, как появились все трое на Таорэре, традиционно повоевали с очередными пришельцами, в поле и на Базе, потом, разыскав в компьютерах его письмо, тоже ведь обращённое как бы из будущего в прошлое, прилетели в тренировочный лагерь последних кандидаток в агентессы и что там делали, он хорошо помнил. Как же иначе? По его счёту, между их появлением и только что случившимся воздушным боем прошло три дня. По словам Левашова, полтора месяца. Спасать он их явился из восьмидесятилетней глубины времён. На самом деле – неизвестно откуда. И – почему, а главное – зачем?

– То есть, на ваше, да и на наше, наверное, счастье, – продолжал Левашов, выдернув из земли какое-то местное пахучее растение и разминая его в пальцах, – получилось хитрой петлёй выскочить за спину самим себе. Удачно избегнув малейших парадоксов. Тут надо сказать очередное спасибо одному парню из две ноль пятьдесят шестого года. Очень в некоторых физических тонкостях натасканный мужик. Мне до него далеко. Как Ньютону до Эйнштейна. Однако... – тут Левашов не удержался от возможности поддержать и своё реноме, – мы это, значит, по старинке, своё дело делаем, в соответствии с теми же «тремя законами», Ньютона, а не Азимова, а у них, хоть и на сто лет позже живут, всё больше в «сфере чистого разума».

Левашов иногда увлекался словоблудием не хуже своих друзей-приятелей.

Сообразив, что лекции тут неуместны, остальное изложил конспективно.

– Одним словом, здорово сложилось! Реальность девятьсот двадцать пятого года никак не пересекалась с восемьдесят четвёртым и двумя двухтысячными. То есть выход из неё в ваш валгалльский изолят неизвестно какого времени получался чистым. Ни единой временной струны не касающийся. Удивился я немного, но – против природы спорить не следует. Особенно если она сейчас в твою пользу работать настроена... А ты выпей ещё немножко, – вдруг сказал Олег, доставая из кармана вторую фляжку. – Вижу, предыдущего тебе не хватило для адекватного восприятия собственной реинкарнации...

Левашов специально налил в первую фляжку всего сто граммов, чтобы явно не хватило, зато в этой содержался коньяк, одобренный очередным препаратом из лабораторий Шульгина. Долженствующий привести Лихарева в состояние, исключаящее непредусмотренные рефлексии. Сейчас Олегу он нужен был физически активным, интеллектуально адекватным, но вполне управляемым едва заметными посылами. Некогда ему было заниматься воспитательной деятельностью в стиле Макаренко, с непредсказуемыми результатами.

– Вычислил я вас, настроился, всё время вёл в рамке, а как только увидел «медуз», вышел по отношению к тебе в «ракурс ноль», посмотрел, как ты кувыркаешься. Лётчик-ас из тебя, сожалею, не вышел. Но старался ты изо всех сил. Зато я успел и принял в свои объятия. Теперь, значит, вы живы, Дайяной и всеми прочими, кроме меня, Шульгина и Новикова, считается давно, героически и безвременно погибшими. Вернуться обратно пресловутая «петля» никому из вас не позволит. Логика событий в вашем варианте порвана невосстановимо. Жить придётся здесь, хошь не хошь. На мой взгляд – не самый худший вариант. А ты как думаешь?

– Так же и думаю. Раз мы сейчас живы – смерти не было. Что там могут вообразить другие, мне безразлично. Совершенно так, как безразлична судьба Лихарева – тридцать восемь. Вдруг «усатый хозяин» распорядился меня и там шлёпнуть? А я вывернулся.

– Никаких возражений. Теперь – информация для размышления, чтобы ты дома грамотно отмазаться сумел. Сейчас здесь – момент всего на две недели позже достаточно неприглядной сцены на твоей вилле, с мордобоем и погонями. Эвелин была в шоке, всё, по своим заграничным привычкам, порывалась звонить в полицию. Девчатам, да и нам всем, пришлось очень сильно потрудиться, пока сумели успокоить, внушить и объяснить, какая у нас служба. Хорошо, сама успела увидеть инцидент с Виталием, с Татьяной с горки побегать. Вокруг этого и выстроили легенду прикрытия. Девушка она наивная, поверила, что именно таким образом нужно было твою немедленную и крайне секретную отлучку замотивировать. Майя с Татьяной её поддерживают собственным примером. Их мужья тоже отбыли и тоже обещали скоро вернуться...

– Кем же вы меня ей обозначили? – осведомился Валентин, окончательно взявший себя в руки. Ему нужна была только подходящая для дальнейшей жизни с женой информация. – Неужто по реальной специальности?

– Примитивно, – цокнул языком Левашов. – У Майи муж – кто? Господин Ляхов, полковник, флигель-адъютант и прочее. Ксиву подлинную твоей французенке предъявил. Они же там хоть республиканцы сплошь, а к титулам крайне трепетно относятся. Ей сафьяновой книжечки с фотографией при всех погонах и аксельбантах вот так хватило! – Олег показал рукой, как именно. – Так что ты теперь – тоже особа, приближённая к Императору. Чисто Воробьянинов. Такая отмазка со свистом пройдёт, и твоя Эвелинка только и будет ждать, когда и её введут под ручку в Грановитую палату...

Пять лет, проведённых Левашовым на пароходах Совторгфлота, пусть и в культурной инженерской должности, оставили в его лексиконе и характере неизгладимые следы. Чуть только ослаблял самоконтроль, сразу начиналась специфическая стилистика.

– Удобно, удачно, – согласился Валентин. – Спасибо – не придётся наспех врать...

Этот, безусловно, приятный момент как-то заслонил куда более существенный факт воскресения после полуторамесячного пребывания в плохо оформленной могиле.

– Только как с девушками быть? – перебил его мысли Левашов. – Ты готов привести их, семерых, к своей жене на постой? С толковой мотивацией?

Лихарев задумался совсем ненадолго.

– В принципе – могу. Семь – не одна. Столько юных любовниц у одного человека просто не бывает. Если он не арабский шейх. Придумаю что-нибудь, пока добираться будем.

– Есть и другой вариант. Не умножаем сущностей сверх необходимого, правильно? Мы их завезём на дачу к Ларисе, там сейчас по-прежнему Майя с Татьяной живут. Две, а то и три опытных дамы за пару недель как-то сориентируют их в окружающей действительности, после чего станем думать дальше.

– Так, конечно, гораздо лучше, – с облегчением ответил Лихарев. – И они адаптируются, и я не спеша просчитаю варианты. Есть кое-какие, и вполне интересные...

– Вот и славненько. О, смотри, какие воспитанные девушки. Сказал – десять минут, так они секунда в секунду соблюдают.

Действительно, все семь курсанток цепочкой, по-прежнему не снимая пальцев с автоматных спусков и контролируя прилегающую местность, шли в их сторону. Режим полной боеготовности для них никто не отменял. Анастасия – впереди.

Олег увидел идущую третьей Кристину, испытал странное для него, непривычное чувство. Что было – вспомнил ярко и с благодарностью, к ней ли, к судьбе, к Дайяне. А в глаза смотреть не хотелось. Смешно ведь и неловко. Ему тридцать шесть (если без всяких отклонений, а то и сорок, с учётом петель и зигзагов локальных, независимых и прочих времён), ей – на вид девятнадцать. На самом деле, прав Андрей, то ли дочка, то ли племянница.

Она тоже увидела его, заулыбалась, как бы даже засветилась вся изнутри. Вот тебе и проблема! Одна надежда – дисциплина у воспитанниц Дайяны превыше чувств.

Так и вышло. Один короткий, почти незаметный жест руки, и Кристина, всё поняв, на долю секунды изобразила одними только глазами всё, что хотела, и сразу стала столь же функциональной и безразличной к посторонним факторам, как и подруги. Поглощённой только боевой задачей. Ничего личного. Как же иначе? Месяц-другой спустя она могла бы стать полноценным координатором, которым эмоции разрешены только по велению службы.

– Значит, решили, – сказал Левашов, всем своим видом демонстрируя девушкам, даже никогда его раньше не видевшим, что главный здесь – он. Как бы не выше всесильной начальницы Дайяны. – В одну шеренгу – становись!

Курсантки чётко исполнили команду.

Он прошёлся вдоль коротенького строя с видом и манерами красноармейца Сухова (или – старшины Васкова)⁵. – Сейчас мы с вами переправимся в одно место, где вы найдёте крышу над головой, защиту и помощь. Помощь в том, чтобы приспособиться к жизни на Земле. На этой Земле. Она отличается от той, где вы должны были работать. Не очень, но отличается. Это главное. Всё остальное станет ясно по месту и в течение... Те дамы, которые вас примут под своё покровительство, знают, что вам предложить, чему научить и чего от вас потребовать. Понятно?

Хором отвечать: «Так точно, товарищ...», их никто не учил, но мимикой и кивками голов девушки показали, что всё понимают правильно.

– Очень хорошо. Значит, сейчас все садимся во флигер, Валентин Валентинович заводит его на самой малой скорости в имеющийся портал, и через минутку все будем там, где нужно. Исполнять!

Курсантки исполнили команду быстро и чётко.

– В Кисловодск к Ларисе? – на всякий случай ещё раз переспросил Лихарев, когда они остались вдвоём перед летательным аппаратом.

– Куда же ещё? Разместим девчат – и свободен. До особого распоряжения. Вернёшься домой, продолжай привычный образ жизни, но в полной готовности. Как израильский резервист. Никаких шуточек, хохмочек и прочих инициатив тебе впредь не допускается. Уловил?

В полном соответствии с действием препарата Валентин подтвердил, что уловил всё и несколько более того. С огромным облегчением при этом. Как там сложится дальше – видно будет, а сейчас всё происходит совершенно великолепно. Вместо условной могилы в горах, находящихся за полста парсеков отсюда, он совсем скоро окажется в любовно обустроенном доме, в объятиях чуждой всяким потусторонним заботам женщины... Слава богу, хоть она не имеет ко всему этому никакого отношения!

Кому ещё выпадало такое счастье? Не в качестве аггрианца-координатора, в роли обычного военного человека. Могли убить – не убили. А если даже и убили... Может быть, за минувший век в разных параллелях убиты десятки его аналогов, ну и что? Сейчас-то он снова жив, дышит, осознаёт себя вполне адекватным себе самому...

⁵ См., соответственно, к/ф «Белое солнце пустыни» и «А зори здесь тихие».

Как эта степная травка в руке Левашова называется? Валентин пытался вспомнить и отчего-то не мог. Ну и ладно. Он ведь по легенде северянин, петербуржец, а здесь крайний юг Империи.

Ах, да, емшан-травка, кажется. Тревожит запах, волнует... Ему возвращена, подарена жизнь (именно эта, зачем другая?). Заодно с прощением всех предыдущих прегрешений перед людьми, имевшими право поступить с ним совсем иначе. Как он бы с ними поступил, будь его воля. Но не сейчас, раньше. Теперь ему и в голову никогда больше не придёт, что можно нарушить... А что? Приказ, долг, собственные убеждения? Над этим стоит подумать, но уж никак не сейчас. Сейчас хочется только вырваться как можно скорее из «странности», в которой он оказался, перевести дух, по-новому определиться...

Левашов перебросил флигер на три десятка километров, не касаясь сложных СПВ-настроек, просто переместил окно заданного пространства с одного места на другое, будто из комнаты в комнату. И вот уже они во внутреннем дворе сказочного домика на горе.

Навстречу вышла на высокое крыльцо Майя, предупреждённая Олегом о скором визите с неожиданными гостями, ко всяким вариантам давно привыкшая, в отсутствие Ларисы считающая себя исполняющей обязанности хозяйки. Приоделась подходяще, но затруднять себя утренним макияжем не стала. Во-первых, не для кого, а во-вторых – и без него хороша.

Олег, поднявшись по ступенькам, вполголоса, по возможности коротко и ёмко объяснил суть происходящего и то, что теперь требуется от неё.

А что – интересно! Майе давно уже стало скучновато в Кисловодске, в то время как в Москве происходили интереснейшие события. Но Вадим велел (или просил), пока оставаться здесь, исходя из необъяснённых соображений. Она уже привыкла не возражать, если он говорил с ней особым тоном, означающим, что обстоятельства выше их личных желаний и склонностей. Девушка успела убедиться в том, что муж, хотя пока и не венчанный, в серьёзных делах не ошибается.

Именно так случилось, когда они приехали разбираться с Лихаревым. И ведь разобрались, не без сложностей, зато и без потерь.

Сегодня снова красавец-парень Валентин объявился здесь, и ведёт себя с ним Олег вполне дружески. Только – Майя это не сразу, но заметила – как-то снисходительно, что ли. Ей вспомнилась поговорка, нередко употреблявшаяся её отцом-прокурором по самым разным поводам: «Еврей крещёный, что вор прощённый». Наверное, и здесь что-то в этом роде...

Она никогда не видела живых аггрианок (Ирина и Сильвия в её понимании к таковым не относились. Вадим так ей о них рассказывал, что она этих дам воспринимала как подлинных землянок, таких Маугли женского пола, воспитанных инопланетянами). А эти были натуральными, «свеженькими», прямо со своей планеты, не успевшими даже переодеться и ничегошеньки о жизни на Земле не знающими.

Тут и она, и Левашов ошибались. Последние месяцы, после того как Дайяна составила план подчинения себе Лихарева и возвращения к неограниченной власти в новой, весьма ей понравившейся реальности, она своих курсанток напряжённо, будто слушателей фронтовой разведшколы, готовила к работе именно здесь. По двенадцать часов в сутки. И – получалось, что сразу отметили, при первой встрече с девушками, и Новиков с Шульгиным, и сам Левашов. Недоработки, конечно, имелись по причине отсутствия «полевой практики», но в целом и Анастасия, и её подружки вели себя с ними вполне адекватно. С большим соответствием исполняемой роли, чем та же, вполне подлинная Анна, девушка с дореволюционным воспитанием, попавшая абсолютно случайным образом в «Братство» в тысяча девятьсот двадцатом году.

Но как раз этого (ни об Анне, ни о курсантках), Майя не знала. Да и о самом «Братстве» её представления оставались расплывчатыми. Не довелось ей пока побывать ни в Замке, ни на Валгалле, ни даже в новозеландском Форте Росс.

Но и того, что она знала, было достаточно, чтобы задача показалась ей интересной. Теперь уже она ощутила себя в положении Ларисы, встретившей их с Татьяной в Кисловодске⁶. Умудрённая жизнью наставница и защитница, если захочется и сложится – старшая подруга.

– Пойдёмте в дом, – сказала она, лучезарно, как умела, улыбнувшись Олегу, чуть сдержаннее – Валентину, покровительственно – девчонкам. – Сколько можно на пороге стоять? Там всё и обсудим. Вот это – она указала на флигер, вживаясь в роль коменданта вверенной ей крепости, – немедленно убрать в гараж, чтобы никто посторонний не заметил, ни с воздуха, ни оттуда, – она указала на возвышающийся в полукилометре напротив, на склоне высокого отрога, двадцатипятиэтажный корпус санатория. – Раздражает он меня до невероятности. Любоухам с биноклем наш двор рассмотреть может. Невозможно неглиже на балкон выйти...

– Взорвать его, что ли? – пошутил Левашов.

– А и неплохо бы... – в тон ему ответила Майя. – Но до того будем применяться к обстановке.

– Тогда скажи Вадиму, пусть хорошую маскировочную сеть привезёт. Натянете отсюда вот досюда, и придётся старичкам другую цель для своих биноклей искать... А то и на порнофильмы переключаться.

Повинуясь всего лишь сделанному ею жесту, из караулки появились двое охранников, отперли ворота, ничему не удивляясь, помогли Лихареву многочисленными и взаимоисключающими советами загнать машину на отведённое место. Так и должны они были по замыслу выглядеть. Якобы нанятые из местных жителей, старательные, службу знающие, но, как и многие из терских и кубанских казаков, любящие прикинуться простачками. Перед приезжими «из России»⁷. Даже Валентин не смог сообразить, что имеет дело не с людьми, а с роботами – продуктом совсем другой технической культуры. Может, усмехнулся про себя, что переигрывают охранники прокурорской дочки, но и не более того.

– А вы, девочки, за мной, – ласково, как тётушка, встречающая приехавших на летние каникулы долгожданных племянниц, пригласила Майя курсанток.

Семь вызывающе эффектных красавиц, да ещё и вооружённых, как штурмгвардейцы, явно робея и теряясь, оказавшись в интересном, но совсем не понятном им месте, пошли, подчиняясь воле новой хозяйки. Так она была воспринята Мариной, Герттой, Ингой и Людмилой (хотя пока и не знала их имён). Читать, что там написано на нагрудных ленточках, ей и в голову не пришло. Как отметила Майя, у этих четверых она вызвала именно такой поведенческий стереотип. Зато у трёх других, вроде бы и очень похожих на подруг, эмоция была иной. В них ощущался осторожный, слегка опасливый интерес. Но – и отстранённость. Непонятного происхождения (военврач Ляхов сказал бы – этиологии). Будто эти девушки были из другой страны. А, может быть, и так, кто их там знает.

Будем посмотреть, как Вадим моментами выражается, совсем несообразно обычной манере.

– Оружие и прочую сбрую сложите вот здесь, – указала она на дверь кладовки под лестницей.

Анастасия вопросительно посмотрела на Левашова.

– Да-да, исполняйте, – подтвердил Олег. – Майя Васильевна теперь для вас царь, бог и воинский начальник. Слушаться её будете, как раньше Дайяну. А о той забудьте. Едва ли в ближайшее время вы с ней встретитесь. Автоматы, очень надеюсь, здесь вам не пригодятся. Перенастраивайтесь на мирную и приятную жизнь.

⁶ См. роман «Хлопок одной ладонью».

⁷ В казачьих областях «Россией» называются территории севернее Ростова н/Д.

Не успели гости пройти в нижний обеденный зал, на верхних ступеньках одной из лестниц, имевшихся в этом доме в изобилии, разных, на любой вкус, словно трапов на военном корабле, появилась и Татьяна, разбуженная произведённым гостями шумом.

Не подозревая о присутствии здесь мужчин, она вышла попросту, в коротком халатике, ещё не застёгнутом.

Увидела скрестившиеся на ней взгляды двух мужчин и толпы неизвестно откуда взявшихся девчонок, особенно и не смутилась, но исходя из норм приличия (мужняя жена, всё-таки) халатик запахнула, что имело опять же чисто символическое значение – рельеф тела никуда не спрячешь. А рельеф у неё был выше всяческих похвал, Майя завидовала, хотя ей, казалось бы, грех жаловаться.

С Левашовым Татьяна была знакома на протяжении двух суток, но знала, что относится он к руководящим лицам некоей организации, о которой Вадим Ляхов отзывался с большим пиететом. И её Сергея, естественно, эта организация всемерно поддерживала, иначе неизвестно, что бы со всеми ними случилось.

Лихарев был почти что свой, местный, но для неё не то чтобы неприятный, а – скользкий. Так можно определить. Тёплых отношений с ним поддерживать не хотелось. При том, что его жена, Эвелин, отлично вписалась в их компанию. Оказалась милейшей, совпадающей по характеру девушкой, пусть и француженкой. Да ещё и доктором философии (с точки зрения Татьяны – явный перебор. Как в том анекдоте: «Тебе что, мало, что ты негр?»). Зато всеми силами стремилась как можно быстрее обрусеть. Бывает.

Татьяна спустилась вниз, с Левашовым поздоровалась вежливо и в меру сил радушно, с Валентином – в пределах этикета.

– А это что у нас за молодёжь? – обернулась она к толпившимся у окна агтрианкам. Как-то они сумели всей своей группой занять минимальную площадь. И смотрели на новую женщину даже с большим интересом, чем на Майю. Кто их знает, может быть, именно фигура и властно-безразличный взгляд так подействовали? И тон, само собой, и эмпатически, по одному взгляду читаемое отношение к их бывшему начальнику.

– Вот, пополнение вам привёз, – сказал, чуть замявшись, Олег. Он до сих пор испытывал странное смущение в присутствии малознакомых, да ещё и полураздетых женщин. – Чтобы не скучно было.

Татьяна, оглядев девушек, слегка улыbnулась. Снова посмотрела на Лихарева. Его присутствие рядом вызывало отчётливый, причём нарастающий дискомфорт.

О том, что случилось в его пятигорском доме и вокруг⁸, она помнила не слишком много. Поставленную Валентином в её мозг матрицу Сильвия сумела удалить, пользуясь своим блокуниверсалом и имевшейся в подвале аппаратурой. Заодно исчезли порядочные куски подлинной и наведённой памяти.

У Татьяны остались только кое-как состыкованные воспоминания о её бегстве с Эвелин от Виталия, телохранителя Майи, оказавшегося одним из «запрограммированных», о том, как потом они с ней и Валентином пили шампанское на вилле под Горячей горой, и как ей вдруг стало плохо. Она, кажется, потеряла сознание, и довольно надолго. Пришла в себя и увидела рядом Майю, Ларису, Ляхова, который дал ей выпить какое-то лекарство и долго успокаивал, объясняя, что случился с ней своеобразный нервный криз, как последствие всего, что накопилось в психике и подсознании с давних времён, которые они обсуждали на катере.

Потом опять какой-то сумбур: они вдруг оказались уже не в Пятигорске, а в Кисловодске, компания увеличилась вдвое – к Майе, Ларисе, Вадиму присоединились женщины Сильвия и Ирина, очень похожие на «вдову Эймонт», но куда красивее, мягче и одновременно круче. А также незнакомые мужчины, только что подъехавшие – Андрей, Александр и Олег (этот

⁸ См. роман «Хлопок одной ладонью».

самый, что сейчас доставил девчонок). Все они тогда расселись за огромным обеденным столом, отмечая какую-то свою победу, а заодно и её выздоровление.

Вечер (по её ощущению) шёл легко и эмоционально приподнято. Она спросила у Ляхова, когда же освободится от своих «страшно важных дел» Тарханов, и Вадим заверил, что очень скоро. В Москве порядок практически наведён, враги выявлены и обезврежены. Через денёк-другой Сергей испросит у начальства отпуск (так и неиспользованный по причине известных событий), вот тогда они и отдохнут, и погуляют по-настоящему. Даже к тёплым морям можно будет отъехать.

– Причём – на собственной яхте, – сказала Ирина, жена Андрея, полностью утратившая внутреннее напряжение и превратившаяся в милейшую даму. – Знаешь, как интересно купаться в океане, когда под тобой не три метра воды на ялтинском пляже, а одиннадцать километров...

– Это как? – удивилась Татьяна. Географию в школе она, конечно, учила, но названную глубину с обычной практикой совместить не сумела.

– Марианская впадина называется, – пояснила Ирина и с улыбкой подняла свой бокал шампанского.

Глава 2

Татьяна заставила себя стряхнуть, оттолкнуть, будто сор веником смести ни к селу, ни к городу накатившие воспоминания. Что ей этот Лихарев и его непонятный взгляд? Пусть спасибо скажет за жену, а не пялится на абсолютно ему постороннюю женщину⁹. Две недели прожили они с Майей спокойно, развлекаясь в меру возможностей, утешая Эвелин, впервые расставшуюся (да ещё при таких странных обстоятельствах), с единственным близким ей в этой стране человеком.

Свозили её в Ставрополь, в Приэльбрусье, в Теберду и Архыз. Делали, что могли, постоянно ссылаясь на собственный печальный опыт почти что «соломенных вдов»¹⁰.

Но теперь Лихарев вернулся, судя по всему – вполне благополучно, да ещё и с прибавлением семейства. То с одной взрослой бабой возиться приходилось, теперь – с семьёй соплячками.

Это она, конечно, резковато о них подумала. Всё, скорее, совсем наоборот. Но возиться – оттого – придётся ещё больше. Ясное дело.

«Да ничего, справимся», – подумала Татьяна и постаралась улыбнуться с неба свалившимся (вот уж, ничего не зная, в точку попала), гостям как можно радушнее.

На вопрос хозяек, надолго ли он к ним, Левашов объяснил, что обстоятельства у них там сейчас такие, что буквально лишних полчаса он не может провести в обществе столь очаровательных женщин. Нашёл в себе силы, что Майя немедленно отметила, ручку ей поцеловать, а вот Татьяне только кивнул, зато с приятнейшей улыбкой.

«Бывают же такие странные мужики, – подумала та. – Я его точно бы не укусила. А он то на ноги взглянет, то на грудь и резко отворачивается».

– Дела наши очень далеко отсюда, и хрен знает, чем кончатся...

Это выражение с кое-какой флотской добавкой сорвалось у него с губ очень легко, он, похоже, и сам не заметил, зато Майя и Татьяна – сразу. Между собой они и покруче выражались, но в устах деликатного инженера нормальный оборот прозвучал... Не в стиле.

Наверное, нечто очень нехорошее там у них творится, вот он и отвлёкся подсознательно.

– Оттого – никаких обещаний о сроках своего возвращения дать не могу. Чудо, что вообще удалось вырваться и доставить сюда девушек-сироток...

Так Олег и выразился, с одной стороны, чуть иронизируя, а с другой – чистую правду сказал.

– Имелась у них строгая тётка-воспитательница в особом заведении, среднем между пансионом благородных девиц и высшей школой спецназа, но в ближайшие годы вряд ли им ещё придётся увидеться. Жизнь – она... Сами понимаете.

Валентин Лихарев, очевидно, тоже принимал в девушках некоторое участие, но сейчас Левашов его отчётливо отодвинул. По-человечески понять можно – мужчина, имеющий молодую ревнивую жену, никак не может уделять должное внимание семи красавицам сразу. Известно, откуда взявшимся.

– Как ты соображаешь, друг, – повернулся к Лихареву Олег, – Майя с Татьяной на офицерское жалованье своих мужей достойно, а тем более – долго, наших подопечных содержать не смогут. Лариса на них свою чековую книжку переоформить не успела. У меня в кармане – вошь на аркане. Придётся уж тебе беспокоиться, пока мы не вернёмся. Процентом с капитала, надеюсь, хватит. В случае чего – компенсируем... – многообещающе улыбнулся Левашов.

⁹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

¹⁰ Соломенная вдова – замужняя женщина, у которой муж находится в бегах или долгой отлучке (устар.).

– Да о чём ты говоришь! Всё будет в лучшем виде. И здесь устроим, и в столицы вывезем, если потребуется, – почти возмутился Лихарев.

– Вот и славно. А то тебя и на том свете найти – не вопрос. Сам понимаешь... – как-то, на взгляд Майи, достаточно банально фраза прозвучала... Чересчур. Она и сама успела побывать «на том свете», но Левашов, кажется, имел в виду нечто другое.

Валентин с готовностью кивнул.

– Тогда – до скорого. Надеюсь, ума не летать на флигере днём, да и ночью, у тебя хватит? – сказал на прощание Левашов. – Разве только в случае самой крайней необходимости.

Он ещё раз простился со всеми, причём Майе показалось, что на одну из девушек он взглянул не совсем так, как на остальных. И та будто бы смущённо опустила глаза. Впрочем, всего лишь на мгновение.

«Интересно, – подумала она. – Интересно... А почему бы и нет? Девчушка прелестна, а мадам Лариса при всех своих достоинствах едва ли так уж безупречна в роли домогостроевской жены».

Майя ощущала с Ларисой некоторое сродство характеров и темперамента, но с тех пор, как нашла себе Ляхова, мысли о приключениях на стороне ей даже в голову не приходили. Мадам же Эймонт, судя по всему, к моногамности была неспособна по определению, однако, в отличие от других, держала себя так, что ни один мужчина и помыслить не мог проявить по отношению к ней малейшую инициативу. Умела Лариса окружать себя аурой абсолютной неприступности. И как уж она, в случае необходимости, устраивала свои дела – бог весть.

Олег удалился в гараж, где был укрыт флигер – и больше они его не видели.

Следом откланялся и Лихарев, сказав, что машина ему не нужна, до вокзала он спустится пешком, заглянет в пивной подвальчик «Максими́ч». Посидит, приведёт мысли в порядок, а уже потом возьмёт такси и обрадует Эвелин своим окончательным, пожалуй, возвращением.

– А вы, курсантки, во всём слушайте Майю Васильевну и Татьяну Юрьевну, – сказал он строго, с какими-то специальными обертонами в голосе. – Переодеться вам надо, привести внешность в соответствие с окружающей действительностью, отдохнуть. Я завтра, утром или вечером, как получится, заскочу, над документами, над легендами покумекаем. Они в ближайшее время, естественно, не понадобятся, но всё должно быть путём. Мало ли, как сложится.

Это вам... На первоначальное обзаведение. – Валентин нашарил в кармане и протянул Майе кредитную карточку на предъявителя, действительную в любом государстве ТАОС, да и в большинстве сравнительно цивилизованных стран, имевших централизованные банковские системы.

Опыт научил его всегда иметь при себе этакий «спасательный жилет» или «парашют» – как кому нравится. В иные реальности после известных событий он не собирался проникать даже под страхом виселицы. Разве только по особому распоряжению и с надёжным прикрытием. Хватит, набегался, тем более что его аналоги так или иначе ведут где-то там самостоятельное существование, что волновало его очень мало.

А на этой карточке хранились практически все его свободные деньги, «подкожные», как выражались в тридцатые годы, не связанные на процентных счетах, не вложенные ни в какое дело. Эвелин о них тоже ничего не знала. Да и не интересовалась финансовыми делами своего супруга, успев за время жизни в России понять, что «здесь вам не тут», и женщина, вмешивающаяся не в свои дела, рискует гораздо больше потерять, чем выиграть, в отличие от родной «Белль Франс»¹¹.

– Здесь примерно около полумиллиона рублей. Пользуйтесь без стеснения, по мере необходимости. Пока мне эти деньги не нужны, а дальше видно будет, – не упустил он возможности слегка распустить хвост.

¹¹ Прекрасной Франции.

– Да ну что ты, – поразилась Татьяна. Для неё такие деньги как раз были суммой чрезвычайно значительной, хотя они с Тархановым отнюдь не бедствовали. – Нам и полста тысяч на всё про всё с избытком хватит...

– Девушки, торг здесь неуместен, – сделал Лихарев отстраняющий жест. – Не будем вдаваться в подробности, но я почти уверен, что даже одна моя голова стоит намного больше. Плюс ещё семь, – указал он на курсанток. – Сейчас тот редкий случай, когда мне повезло совершить столь выгодную сделку. Кроме того, наши друзья-американцы совершенно справедливо говорят, что всё, за что можно заплатить деньгами, обходится дешево...

– Так, может, поподробнее расскажешь? – предложила Татьяна, решившая, что не стоит распространять какие-то мелкие недоразумения на все последующие отношения с человеком, способным на столь широкий жест. Да и вообще оставшимся, как очевидно, в полном доверии у Левашова, а значит, и всего «Братства». – Я распоряжусь, стол накроем, заодно всё и обсудим... Зачем тебе та пивная?

– Извини, Таня, извини. – Валентин явно не хотел задерживаться в их обществе, это было очевидно. – Эля ждёт. Она ещё не знает, но вдовой могла сегодня стать вполне настоящей. И вы бы ей сейчас оказывали все необходимые знаки внимания. Трогательные, но не настолько успокоительные, чем... – Он указал взглядом на карточку. – Девушки вам сами всё расскажут. – Он внезапно произнёс, обратившись к своим подопечным, резко прозвучавшую фразу на незнакомом языке. И тут же перешёл на русский, для Майи с Татьяной: – Можете ничего не скрывать – тайны здесь никакой больше нет, а мы с Дайяной для вас теперь никто...

Курсантки на мгновение подтянулись и тут же опять расслабились. Не всё они понимали, не пройдя выпускного инструктажа и соответствующего предстоящим ролям кондиционирования, но произнесённая Лихаревым формула их отпустила. Почти совсем. Но – всё же не до конца. Валентин оставался представителем высшего руководства, от которого всегда зависело слишком многое. Они не получили чинов и должностей, хотя бы координаторов третьего класса, им не были выданы гомеостаты, блок-универсалы, Шары. А что они без них?

На самом деле – самые обыкновенные земные девушки (раз уж оказались на Земле). Способности – способностями, возможности – возможностями. Ум, интеллект, красота, информированность, незаурядные физические качества – но это ведь лет на тридцать от силы, а потом они начнут стареть, как и все местные жители. Сто-двести лет юности и красоты им точно не гарантированы без положенных приспособлений.

Лихарев очаровательно улыбнулся всем сразу, Татьяне, как ей показалось, – особенно, и унёсся вниз своей стремительной походкой, перепрыгивая через две-три ступени. Охранник закрыл за ним узорную чугунную калитку. Дамы и барышни остались одни.

Бывшие аггрианки, волею судьбы брошенные в мир, к жизни в котором следовало ещё долго специально готовиться, каждой – по особой программе, чувствовали себя несколько не в своей тарелке. Последний знакомый им человек (вроде как фельдфебель старшей гардемаринской роты) ушёл, освободив их от ответственности и от своей защиты.

Они остались наедине с двумя красивыми, наверняка занимающими весьма высокое положение в чужом мире дамами. Вдобавок, после фактически казарменной жизни, которую они вели с момента, когда им было позволено себя осознать личностями, предназначенными к земному модусу вивенди¹², они впервые оказались в помещении «приватном», да ещё столь изысканно отделанном и обставленном.

Словно выпускники Морского или Пажеского корпуса, утром получившие приказ о производстве, а вечером уже расписанные по частям и кораблям. Но и тем было легче: семейные традиции, практика сначала в матросском, а потом и в полуофицерском качестве, увольнения в город и всё такое. А тут – сразу!

¹² Модус вивенди – образ жизни, способ существования (лат.).

Толпясь в зале, девчонки волей-неволей выглядывали в окна и видели там то, чего не видели никогда. Одно дело – фильмы и картинки, другое – подлинная жизнь. Да ещё на другой планете. При всём сходстве Земля – совсем не Таорэра!

Они знали, как должна выглядеть планета, на которой предполагалось трудиться всю оставшуюся жизнь, но то, что ждало их снаружи, – совсем, совсем другое!

Им не приходило в голову, да и не могло прийти, что ситуация изменилась кардинально. Ни одна из них (кроме Анастасии, получившей эти знания в свёрнутом виде от Новикова моментно, назло Дайяне), от рождения не имела понятия, что такое «свобода» и что такое «воля». От почти средневековой (японского типа) этики безусловной преданности повелениям и любым прихотям сюзерена их специальной формулой освободил Лихарев. Получив при этом огромное наслаждение.

Сам он сумел в двадцатые годы дойти до подобной независимости напряжённой нравственной работой, самовоспитанием, за счёт ошибки старших, слишком торопливо наложивших личину коммуниста-энтузиаста поверх болванки аристократа и выпускника Пажеского корпуса. В сочетании с подлинными жизненными реалиями Революции и Гражданской войны результат получился интересный.

Сейчас, то ли в благодарность своим спасителям, то ли от извращённого любопытства экспериментатора, Валентин сделал девушкам щедрый подарок. Теперь они смотрели на яркосинее осеннее небо, на горы вдали и город внизу совсем другими глазами, чем несколько минут назад.

Это не учебная картинка на стереоэкране, это мир, где им предстоит жить, хотя и неизвестно пока, в каком качестве. Но абсолютно независимо от только что бывшего и вдруг исчезнувшего блока в подсознании.

– Всё, барышни, – заявила Майя, когда они остались в доме одни. – Снимайте свою военную сбрую. Не надоело ещё? Здесь мужиков нет. Займёмся вашим внешним видом. Уж больно вы одинаковые. А потом обед, отдых – и на прогулку. Посмотрим, что у нас выйдет...

Курсантки в своих обтягивающих комбинезонах, высоких сапогах, да и с лицами, всё ещё не пришедшими к норме, смотрелись в гостиной Ларисы чужеродно.

– Впереди у нас пятьдесят лет необъявленных войн, – вдруг сказала Анастасия. – И мы подписались на весь срок...

Татьяна не поняла, откуда это и к чему сказано, а Майя рассмеялась. Начитанностью она отличалась с детства.

– Какое чудо! Хемингуэй! Вы его тоже проходили на курсах. Или?

– Один хороший человек недавно сказал, – с долей вызова ответила Настя. – Разве неправильно сказал?

– Совершенно правильно. И я, пожалуй, догадываюсь, кто именно это был. Молодец, девочка, не ошибёшься...

Продолжать она не стала.

– Раздевайтесь, быстро. И в баню. Таня, там всё готово?

Готово было. Татьяна сразу отдала команду домоправительнице заняться вопросом. Не по одной же водить девушек в ванную или душевую. А в просторной бане, занимающей цокольный этаж, с тремя отделениями: русским, сауной и турецким с каменными лежанками и содовым паром, пятнадцатиметровым бассейном, наполняемым из личной артезианской скважины ледяным нарзаном, несколькими душевыми рожками в отдельных кабинках, с большой комнатой отдыха. Гостям будет приятно, и они с Майей смогут посмотреть на каждую профессиональным взглядом, да и поговорить непринуждённо. Что совсем нелишне, раз уж придётся этих красоток сначала пасти, а там... Ну, там как получится.

...Кстати, в очередной раз нужно сказать спасибо Ларисе. Она выкупила эту четырёхэтажную виллу, заброшенную, полуразрушенную, совершенно никому не нужную, кроме окрестных жителей, которые там оправлялись по пути домой, сносили мешки с мусором и, при случае, воровали для непонятных целей кирпичи и изразцы от печей, с сохранившимися авторскими рисунками весьма известных художников начала прошлого века.

Тем не менее эта руина оценивалась городскими властями для желающих её приобрести в собственность вдесятеро от реальной цены. Ни одна душа в пределах КМВ её покупать не собиралась, а пустить раритет под бульдозер даже у давно деградировавших чиновников местной мэрии как-то силы воли не хватало. Или нечувствительно давили на них высшие силы. Тоже ведь бывает. Хочешь стать «сукой»¹³, а не получается. Даже внутри тюремной камеры. Не дано, и всё. Если от рождения – место только у параша.

Мадам Эймонт, она же Лариса, с мэром и его прихлебателями нашла общий язык сразу. Ничего не изображая специально, просто вспомнив, как перед ней в некий момент начал заискивать сам Троцкий (правда, при этом туманное московское небо разрывали всполохи ружейно-пулемётного огня, и никто из кремлёвских властителей не знал, где встретит рассвет – в своём кабинете, в лубянской камере или в водосточной канаве без сапог и знаменитой кожаной куртки).

Покачала перед глазами главы города ножкой в остроносой туфельке на двенадцатисантиметровой шпильке, поймала его бегущий взгляд своим, как мишень – перекрестием оптического прицела, и больше не отпустила. Все вопросы были решены сразу. Не пришлось и намекать на личное знакомство не столько с Великим князем, как с его близкими помощниками.

Мэр хорошо помнил древнюю поговорку: «Жалует царь, да не желает псарь». Виталий Иванович, тёртый-перетёртый в аппаратных играх, всё, что нужно, понял сразу. Вплоть до такой нелепой (конечно же) по самому краю сознания скользнувшей мысли, что ведь и не сможет он, если что, выйти из любимого кабинета своими ногами и в привычном качестве. Как-то очень ярко нарисовался в сознании «Белый лебедь» – двести лет назад построенный на отроге Машука Тюремный замок, архитектурно безупречный снаружи и весьма несовпадающий с впечатлением изнутри.

Цена вопроса была решена в присутствии столь же поплывшего перед вдовой-меценаткой главного бухгалтера. Решена по столь остаточной стоимости, что Ларисе, в виде шутки, захотелось даже попросить дотации из городского бюджета на реставрацию исторического памятника. И ведь прокатило бы, без всяких сомнений.

Но Лариса была не из таких. Напугать она могла кого угодно, одновременно представляя, что рано или поздно у подконтрольных ей людей могут появиться лишние вопросы.

Что, да как, да почему они вдруг начали действовать вопреки собственным интересам? То есть, как писал Козьма Прутков, «ничего не доводи до крайности». Сегодня эти господа сделали ей приятное, одновременно поступив по совести, вот и пусть гордятся, ничем более сложным головы себе не забивая.

Тем более что (об этом тоже ходили разные слухи) она вложила в ремонт и реставрацию неизвестно сколько миллионов, в итоге превратив виллу в жемчужину и украшение курорта. Экстерриториальную, впрочем.

Майя слышала, что граф Фредерикс-Алленштейн, гражданин мира и внук последнего царского министра Двора, крупнейший собиратель рассеянных по планете раритетов Серебряного века, приезжал сюда в прошлом году и, придя в восхищение, предложил Ларисе подать

¹³ «Сука» – вор, не признающий многие статьи «воровского закона» и «понятий». Например – запрет на сотрудничество с тюремной администрацией.

документы для оформления этого здания в список Всемирного Наследия. И продать виллу именно ему, по цене «без запроса».

– Реставрация вам удалась изумительно. Ни малейших отступлений от исходного проекта – классический модерн. Прежняя владелица – знаменитая балерина, прожившая сто лет и бывшая пассией двух правящих императоров и трёх Великих князей. Мои предки здесь бывали неоднократно, даже вон, видите, на групповом портрете – он указал на одну из двух десятков фотографий в овальных и прямоугольных рамках, развешанных вдоль ведущей на второй этаж лестницы. – Третий слева – мой отец.

Лариса потратила не так много усилий, чтобы с помощью Ирины и Сильвии воспроизвести фактически в оригинале все имеющие отношение к дому предметы материальной культуры.

– Очень рада, – ответила мадам Эймонт, – что всё так удачно сложилось. Не только Николай Александрович, будущий наследник престола с его братьями в моей коллекции оказались, но и ваш почтенный родитель тоже.

К глубочайшему сожалению, сама Майя при этом разговоре не присутствовала, но, судя по пересказам «личных впечатлений» – большая часть кисловодского общества тот раз в доме поместилась. Или во дворе, по крайней мере. Чтобы всё услышать для дальнейшей трансляции.

Главное, легенды предельно убедительно соответствовали тому представлению, что и без них сложилось у Майи о старшей подруге. Такого не придумаешь при самой развитой фантазии.

– Ваша светлость, – якобы ответила Лариса графу. – Вам нравится мой дом? Так мне он тоже нравится. Ах – историческая ценность! Где же вы были, почтеннейший, последние семьдесят лет? Вы ведь примерно настолько меня старше? Купили бы году этак в тридцатом-сороковом, оно бы вам дешевле обошлось. Не сообразили вовремя? Сочувствую. А сейчас – простите...

Змеиная улыбочка, естественно, английский костюм с рукавами в три четверти и чёрные лайковые перчатки. Наверняка напротив специальной прорези в юбке к поясу пристроен (слева), «вальтер РР». Без этого образ не полон. Лариса без пистолета – как светский бонвиван во фраке и подштанниках.

Как эта красотка умеет стрелять, Майя видела. Сама не из последних снайперов, но до Ларисы ей далеко. Цель намного уже мушки, и пуля почти на излёте, однако поставленная на сто метров консервная банка улетает со столбика в девяти случаях из десяти.

Так не бывает, каждому понятно, но дзен-буддизм утверждает, что главное – не качество прицела и не воля стрелка, а исключительно взаимная тяга «стрелы и мишени».

Явная наглость слышалась в словах богатой и разнузданной в поведении дамы. Мало ли что миллионерша! Фредерикс был (теоретически) старше Ларисы всего на пятьдесят локально-земных лет. (О чём он, конечно, понятия не имел). Но если исходить из внешности и самочувствия – она была права.

Красива до невозможности, явно богата настолько, что любые предложенные ей суммы считала ерундой. На том уровне, не финансовом, а психологическом, когда ничего ей больше не надо. Чувствовалось это, просто чувствовалось всем нутром миллионера-мецената. Как на старом послевоенном базаре – сразу видно, у кого рубль в кармане, а у кого десятка.

– Я вас крайне уважаю, князь (небрежно повысив собеседника в титуле), – сказала, по слухам, постоянно витающим в кисловодском воздухе, непреклонная, как «бремя белого человека», мадам Эймонт, – но вы – пролетели. Как фанера над Парижем, если вам доступен этот образ. Мне намекали, что кроме разных лихтенштейнов (так небрежно отозвалась она о богатейшем и комфортнейшем для проживания государстве мира, ровно, как о какой-нибудь прославленной Шолом-Алейхемом Касриловке. То есть – изысканно-презрительно), у вас масса интересов и в других частях мира. На Кисловодске едва ли свет клином сошёлся.

И девятистолетний авторитет, меценат и антиквар, при всех его миллиардах, безусловной славе, вхожести к королям, президентам и прочим почтенным людям (особенно если несёшь перед собой в виде подарка сто лет назад кем-то украденную, а тобою выкупленную икону или статуэтку) – эту даму банальным образом испугался. Да-да, вот так – испугался, и всё.

Несколько позже он попытался по своим каналам навести о мадам Эймонт кое-какие справки, но очень быстро получил, по самым что ни на есть конфиденциальным каналам, дружеский совет – не проявлять ненужного любопытства и не осложнять остаток жизни проблемами, совершенно ему не нужными. На чём и успокоился, ибо в мире оставалось достаточно много вещей, гораздо более интересных, чем экстравагантная бабёнка со своими фигель-мигелями. Именно так он и выразился, вспомнив русский язык собственного, увы, такого далёкого детства.

«Да и вообще, – попутно подумала Майя. – Это ещё здорово повезло нашему Олегу Константиновичу, что они с Ларисой не пересеклись на узкой дорожке в Берендеевке. А то бы, глядишь, появилась у нас Императрица».

Майя некоторым образом относилась к бисексуалкам. В том смысле, что красивые женские тела нравились ей, пожалуй, больше мужских. Чисто эстетически. За исключением конкретных моментов, на обнажённых мужчин смотреть не слишком интересно.

Девушки-гости раздевались в предбаннике чересчур торопливо. Опять же – по-солдатски. Приказано – значит, нужно делать быстро, не отвлекаясь, пока не последовала новая команда.

Под комбинезонами на них было надето только обтягивающее термобельё, очень похожее на армейские шёлковые кальсоны с рубашками. И больше ничего. «Пока ещё курсантки» сняли и его. Сложили на скамейках и ждали следующего распоряжения, переминаясь с ноги на ногу и невольно поёживаясь. Хотя холодно здесь не было.

Майя внимательно рассматривала каждую, сама оставаясь одетой. Специально. Как врач в приёмной комиссии воинского присутствия. Любого человека такое положение нервирует. Даже если ощупывает тебя взглядом существо того же пола.

Девушки были очень хороши. Но, как она сразу отметила – чересчур одинаковы. Вначале это могло просто показаться, из-за униформы и испуганной растерянности. Но вот разделись, и сходство стало ещё очевиднее.

Сложены они были совершенно идеально. Ни малейших нарушений пропорций хоть в чём-то, ни у кого ни единой родинки, шрама, гипертрофии или недоразвитости любой части лица и тела. Рост вокруг 175–177 сантиметров, груди у всех классические, как у статуй работы Фидия, ноги, руки, шеи без всяких оговорок красивы и изящны, только мышцы под гладкой кожей гораздо рельефнее и даже на вид сильнее, чем полагалось бы. Со спины одну от другой, пожалуй что, и не отличишь. Конечно, фигуры больше спортивные, чем истинно женственные. Да и откуда бы иначе, при их возрасте и аскетически-военизированном образе жизни?

Майя не знала, что эти дефекты при окончательной шлифовке болванок были бы скорректированы, и каждая получила бы окончательную, собственную внешность, соответствующую планируемой роли. На то и существует большой, стационарный гомеостат, чтобы смоделировать нужный фенотип на базе латентного генотипа исходной особи. Кому-то негритянкой, возможно, пришлось бы стать, кому-то – азиаткой.

– Подкормить бы вас чуток, – хмыкнула Татьяна, тоже закончив раздеваться. – Видите, как должна выглядеть гарна баба? – Она похлопала себя по тугому бедру, встряхнула грудью. – Ну, да это дело наживное. Какие ваши годы... А так – любую хоть сейчас на подиум выставить можно. Или в варьете. Танцевать умеете?

– Умеем, – за всех ответила Настя. – И классику, и модерн. Учили...

– Вот и хорошо. Сумеете заработать на жизнь, если что.

(Да что же такое? – подумала Анастасия, – с кем из землян ни заговори, обязательно проскакивает это бессмысленное «если что»! Просто присловье или такой здесь способ восприятия жизни? А нам тогда как быть?)

– А ты, Майя, чего стоишь? – вдруг повысила голос Татьяна. – Баня здесь, а не... – Что именно «не» она уточнять не стала. – Вперёд, за мной...

О банях девушки имели представление, но – теоретическое, из художественной литературы и учебных пособий. Дайяна в лагере их подобными изысками не баловала. Контрастный душ перед сном или после спортивных упражнений – достаточно в целях гигиены.

Зато Татьяна была большая любительница процесса, увлекалась им с детства, как и Лариса, чья «комсомольская юность» в значительной мере прошла в подобных заведениях, в те самые годы, когда среди «номенклатурных товарищей» лесным пожаром вспыхнула пресловутая «банная лихорадка», и они изошрялись друг перед другом немислимыми изысками. Тогда как простые смертные, за исключением состоятельных москвичей, имевших доступ в «Сандуны» и «Центральные», обходились обычными районными, ярко описанными тем же Зоценко.

...Странно представить, что в России здешнего 2007 года воображение элиты до подобных высот по каким-то таинственным законам исторического материализма не поднялось, банные радости как самостоятельный культурный феномен оставались уделом немногих знатоков и ценителей, и Лариса оказалась здесь своеобразной «пионеркой».

Сюда, в Кисловодск, Лариса для оборудования и оформления своего «оздоровительного комплекса» пригласила лучших специалистов и дизайнеров обеих столиц, знатоков как самых древних, так и новейших тенденций. Затем провела скрытую, но тщательно срежиссированную рекламную кампанию.

Откуда-то в продаже появилась крайне информативная и богато иллюстрированная монография некоего князя Владимира Галицкого «Щедрый жар», где с научных и одновременно национально-патриотических позиций излагалась идеология и практика банного дела для «истинно русских людей».

Потом пошли слухи в «нужных кругах», что баронесса Эймонт, следуя самым передовым веяниям, превратилась в страстного адепта нового увлечения и решила основать «Салон огня и пара». Вскоре человек, удостоенный приглашения к ней на «ужин с баней», мог козырять этим фактом, как очередным орденочком или чином. Тем более насчёт того и другого здесь можно было договориться «с кем нужно» быстрее и проще, чем в кабинетах канцелярий.

Попутно можно отметить, что сама «банная процедура» весьма и весьма подразделялась на типы и классы. Кого-то могли пригласить на мероприятие, в котором участвовало до десятка кавалеров и дам, и «симпозион» происходил по одной программе, в халатах и полотенцах, причём дамы парились отдельно от мужчин, а встречались лишь за общим столом. Но кое-кто мог похвастаться, что удостоивался и специального приглашения. Предельно узкий круг, форма одежды – «о натюрель», в том числе и для хозяйки, специальные разговоры и стилистика платоновских пиров. О подобном распространяться было не принято, а если что и просачивалось за пределы, то исключительно в виде исходящих от завистников слухов. При этом считалось, что кому-то нужные результаты, достигаемые в такой обстановке, зачастую имели силу государственных указов.

Единственное, о чём не мог бы сказать ни один гость, вне зависимости от ранга и состояния, так это о том, что лицемерие сверкающей наготы хозяйки давало какие-то шансы на углубление отношений. Она, как истинная патрицианка, позволяла на себя смотреть, говорить комплименты, кое-кому – даже похлестать себя веником, если у неё появлялось такое желание, но упаси Бог допущенного проявить хоть тень «эмоции». Оттого не слишком уверенные в

собственной выдержке джентльмены остерегались подобных приглашений, могущих привести к полному крушению репутации.

Но это так, к слову. Ни Майя, ни Татьяна в подобных мероприятиях поучаствовать не успели, знали о них со слов самой хозяйки, с которой однажды попарились втроём. Зато она показывала им большеформатные цветные фотографии, сделанные на таких приёмах, объясняя, кто именно на них изображён. Пусть и делались они скрытой камерой, но на высоком композиционном и художественном уровне. Майя сначала удивилась, а потом сообразила (профессионалка всё-таки), что съёмки (и звукозапись синхронно) велись непрерывно, а уже потом производилась селекция: что распечатать и использовать в эстетических целях, а что и в иных.

Татьяна занялась девушками всерьёз. Если Майя зашла в парную пару раз, а потом в основном плавала в бассейне да пила прохладительные напитки в комнате отдыха, то тем пришлось пройти полный курс. С прицелом на будущее, как выразилась новая инструкторша.

– Мало ли, с кем и когда вам придётся очутиться здесь в следующий раз. Так я хочу, чтобы и теорией и практикой вы владели безукоризненно.

Вот, к примеру, иногда достаточно пригласить (или заставить), некую персону в такую же вот парную, прикрыть изнутри дверь (и тут же показала, где помещается потайная щеколдочка), да ещё и вот так сделать, – Татьяна плеснула на камни печи полковша разбавленного пива, – через пять минут от клиента можно добиться очень многого. Без всяких пыток и сыворотки правды... Люди отчего-то очень быстро начинают задыхаться в горячем пару, испытывая при этом мучительный страх смерти.

– А по-моему – ничего особенного, – сказала Анастасия, присев на полок и вытирая пот со лба. – Жарковато, конечно, но вполне терпимо...

– Молодец, – похвалила Татьяна, думая, что не взялась бы с этой девушкой соревноваться. Не совсем понятно, но и у неё, и у её подружек терморегуляция изумительная. Где же это такие экземпляры воспитываются? В пустыне Атакама или экваториальных тропических лесах? – Ты вот сколько здесь продержаться сможешь?

– Вам сколько надо? – вопросительный ответ прозвучал без вызова, девушка на самом деле хотела узнать, сколько нужно новой начальнице, чтобы она выдержала.

Татьяна сделала движение губами, будто собираясь что-то сказать, но промолчала. На седьмой минуте почувствовала, что ей достаточно. Всё же сто десять градусов на термометре.

После первого захода погрузились в бассейн, где бурлил и пузырился шестиградусной температуры нарзан. Сказочное ощущение! Потом Татьяна провела их через остальные отделения, каждое из которых по-своему было хорошим, но все вместе нормального человека, не фанатика этого дела, они могли привести полностью в неработоспособное состояние.

Ей такая нагрузка доставляла эстетическое и физическое наслаждение, в том числе и потому, что она знала – лишь несколько человек в городе могут с ней посоревноваться. А девушки, по простоте душевной, приняли это за норму. Только не специфической светской забавы, а очередного тренажёра. Вроде штурмполосы. И изо всех сил старались соответствовать. Причём слегка перестарались.

– Нет, ну ты знаешь, – сказала Татьяна, откидываясь на спинку ротангового дивана в украшенной резными деревянными панелями комнате отдыха, пока девушки полоскались под душем, растирались махровыми полотенцами и ждали, когда их позовут, – они почти не люди...

Сказано это было просто так, к слову, без реального смысла. В виде метафоры.

– В конце я уже начала сачковать, а им – хоть бы что. Нет, ты вообрази, в сауне – за сотню, а они пошли к выходу, только когда я сказала, что хватит. Такое впечатление – права Анастасия – вели я им там час сидеть – просидели бы.

Стол на девять человек, именно так накрытый, как и следовало после банного вечера, был уже готов.

Постаралась Прасковья Ильинична, женщина средних лет, оставленная за себя Ларисой в качестве домоправительницы. На самом деле это был всё тот же робот Иван Иванович, сменивший облик и ведущую функцию, сориентированный на оказание любых услуг, в том числе – чисто женского профиля, хозяйственного, само собой. Одновременно – медицинских, уровня лучших мировых клиник (ненавязчиво психологического также). Она же обеспечивала негласную, независимо от прочих слуг, абсолютную охрану.

При этом была сия дама особой, неприятной во всех отношениях. Тут Лариса настроила психотип так, чтобы по исконной вредности характера доставить своим гостям максимум морального дискомфорта. Но и придрататься к ним (Ларисе, Прасковье Ильиничне и собственно Ивану Ивановичу) было невозможно. Всё в доме шло, как на хорошо налаженном крейсере царских ещё времён, продукты с рынка поступали свежайшие, готовились выше всяческих похвал, хоть по заказу, хоть «а ля карт», отказа не случалось ни в самом малейшем капризе склонной к этому Майи.

Но! Любой беспорядок в доме Прасковья Ильинична (по легенде – происхождением из станичных «кулачек», хотя и получившая где-то обширное, но вполне бессистемное образование) воспринимала как боцман с императорской яхты «Штандарт», считавший любую соринку на свежесудраенной палубе не просто личным оскорблением, а потрясением ОСНОВ! Одно счастье – в отношении Майи и Татьяны она не имела соответствующих дисциплинарных прав. Но и взгляда на окуроч в неположенном месте или брошенные на спинку кресла чулки хватало, чтобы на полдня испортить настроение провинившейся.

Словами она пользовалась редко, только по делу, что ещё больше усиливало к ней неприязнь. Вроде как брезгует вступать в посторонние разговоры с женщинами, совсем не последними в этом городе, а то и в стране. Но что было, то было. Приходилось терпеть. Не они тут хозяйки хотя вроде бы, формально, по случаю отсутствия Ларисы, и они.

Майя давно и старательно придумывала, каким бы образом эту ужасную домоправительницу уязвить как следует. Не выходя за рамки приличий, но от души. Это занятие очень её занимало. По крайней мере – помогало засыпать легко и быстро. Другие от бессонницы баранов считают, скачущих через изгородь. Вадим, как он ей при случае признался, вспоминает корабельный состав русского и японского флотов той ещё войны (с фамилиями командиров, обязательно), а она – изобретала способы мести. Всегда засыпала на третьем и окончательном – построить собственный дом и пригласить Прасковью Ильиничну на службу к себе. За такую плату, чтобы не смогла отказаться. И уж тогда...

Естественно, даже при своём общем высшем и кое-каком специальном образовании им с Татьяной и в голову не приходило, что настоящие специалисты запрограммировали робота таким образом, что в условиях их явного психологического несовпадения домоправительница в зародыше гасила любые намечавшиеся между ними конфликты, принимая весь напор неотреагированных эмоций на себя.

Агтрианские (исключительно по воспитанию, но не по биологическому происхождению) девушки никогда в своём лагере не видели такого изобилия изысканных блюд и подпадающих именно им напитков, столь красивой посуды и приборов. Синтезаторы производили пищу калорийную, но крайне простую, с одной-единственной функцией – поддержание обмена веществ на научно предписанном уровне. Фактически тоже казарменную; в советских пионерлагерях, к примеру, кормили гораздо вкуснее и разнообразнее.

Другое дело – всем полагающимся навыкам и правилам этикета, назначению столовых приборов, способов обращения с ними курсантки обучались. Точно, как в Пажеском корпусе

– сумеете гречневую кашу и печёнку по-строгановски правильно есть, с омарами и трюфелями тем более справитесь.

Они расселись вокруг стола, как учили, сдвинув колени и сложив на них руки с прижатыми к телу локтями, в ожидании дальнейших распоряжений.

Майя не выдержала и выругалась вполне причудливо и выразительно, имея в виду, что тут у них не монастырь и эти постные рожи она видеть не желает раз и навсегда. Заодно и объяснила, когда произнесённые ею слова имеют медицинское или этнографическое значение, а когда используются для выражения личных эмоций или вразумления недостаточно сообразительных особ. Последний раз приказала всем немедленно принять раскованные, желательно – фривольные позы, тут же показав, что этот термин обозначает, выпить по сто грамм коньяка или водки, кому что больше нравится, ибо банный ритуал требует для своего завершения именно такой, предписанной свыше дозы. После этого каждая ест и пьёт чего и сколько угодно. Любые правила какого бы то ни было ритуала полностью отменяются. Чтобы выйти в туалет или по иной надобности – разрешения спрашивать не надо. Докладывать по возвращении, где была, что и как делала – тоже.

Не зная ещё досконально сути дела, Майя интуитивно уловила, что вся жизнь этих прелестных и несчастных существ прошла под жестоким психологическим прессингом. Едва ли не худшим, чем в иезуитском пансионе восемнадцатого века.

Поэтому тут же и пояснила гораздо более мягким тоном, что в ближайшее время займётся их подходящим текущему моменту воспитанием, а Татьяна Юрьевна – поможет.

– Методы у нас, конечно, будут разными, – включилась Татьяна, – я со столичными манерами Майи Васильевны мало знакома, зато со станичными – вполне. Если кто по заднице от души получит – не обижайтесь. Деваться вам всё равно некуда, а для общего развития – ой, как полезно...

При этом глаза Татьяны приобрели мечтательное выражение. Наверное, она подумала – как бы хорошо было, если бы в своё время кто-нибудь озаботился её правильным воспитанием.

Неизвестно, всё ли сразу и правильно поняли новые воспитанницы из слов «старшей наставницы». С точки зрения их девятнадцати условных лет разница между двадцатишестилетней Майей и тридцатилетней Татьяной ощущалась явственно, причём вторая и массогабаритно, и характером заведомо превосходила, на первый взгляд, конечно. Но закивали они дружно и согласно.

Курсантки имели минимум по три полных высших образования (уровня советских вузов начала восьмидесятых годов), и общее знание жизни, в принципе достаточное, чтобы даже в одиночку, оказавшись в начале двухтысячных годов, как-то устроиться. Пожалуй, не хуже, чем Лихарев сумел.

Майя продолжала наблюдать за тремя девушками, показавшимися ей несколько более уверенными в себе, чем остальные. Прежде всего – за Анастасией, позволявшей себе вступать в разговор со «старшими» по собственной инициативе. Из приведённой цитаты Хемингуэя и некоторых других словесных оборотов Майя догадалась, что там, откуда их привезли, она наверняка общалась с теми же людьми из «Братства», что понравились и ей самой. От них и набралась манер и стиля поведения.

Тут она слегка ошиблась. Девушки провели вечер и единственную ночь только в компании Новикова, Левашова и Шульгина. Причём лишь Андрей позволил себе вмешаться в психику своей подопечной. Остальные ограничились пределами дозволенного. Но и этого хватило. Память у них была абсолютная, а усвоение новых, полезных в будущей работе навыков – автоматическим. Тем более что общение было не проходным, а составной частью обряда инициации.

«Итак, что мы имеем? – анализировала ситуацию Майя. Ей хватало врождённого интеллекта, образования, спецподготовки и опыта общения с Ляховым и Тархановым в абсолютно

немыслимых ситуациях, чтобы сейчас рассуждать спокойно. – Я помню то, что мне говорил Александр Иванович на мостике над рекой. Про возможное бессмертие и другое тоже. С любой нормальной точки зрения – бред. Но сначала...»

Это воспоминание было неприятно, но чересчур ярко.

Они болтали о чём-то совсем несерьёзном. В голове у неё шумело от выпитого вина, настроение – прекрасное. И вдруг его рука легла на... Литературно – на бедро, по правде – на самую что ни на есть задницу. Причём в этом его жесте совершенно не было ничего сексуального. Для него, наверное. Для Майи – было. Поразительно – только что ни о чём подобном она не думала, и вдруг – словно пронзило! Стало необыкновенно ясно – продолжи он начатое – сопротивляться молодая женщина не станет.

И тут же увидела его усмешку. Всё понимающую и одновременно – равнодушную. Эта усмешка Майю и вздёрнула. На очевидную глупость подвинула.

– Уберите, я вам не... Я мужа сейчас позову!

– Господи, ну и судьба, – тихо и грустно сказал Шульгин. – Муж у неё. Сейчас мне морду набьёт. Как благородный человек. Я, как не менее благородный, отрицать не стану, что почти нечаянно, инстинктивно погладил его супругу по специально предназначенной для этого части тела. Очень мне понравившейся. Потом заложу руки за спину и перетерплю... Да я его сейчас сам и позову. Покаюсь, признаю право на сатисфакцию.

Голос у него был такой, что Майя абсолютно, без малейшего сомнения поверила – так он и поступит.

– Александр Иванович, ну, прекратите. Ну, я вас прошу. – Майя чуть не закричала, сжав своими руками Шульгина за предплечья. Не хватало ещё подобной демонстрации. Не просто вечер будет сломан. Что-то гораздо большее. В том числе и надежды на вечную жизнь...

– В конце концов – что тут такого? Я и сама...

– Майя, Майя, успокойся. – Шульгин не грубо, но отчётливо её отстранил. И взгляд – более чем просто безразличный. Подобного стыда и разочарования она, наверное, никогда в жизни не испытывала. Ни один мужчина ей не показывал, что она, такая-разэтакая, на самом деле – никто. Для него.

Ужаснее мысли ей никто не внушал.

А казалось бы – и этот уже немолодой человек ей ну совершенно безразличен, и убеждения у неё безусловные. Муж – это муж. Долго выбирала, но раз выбрала – всё! Гулянки кончились.

– Забудем. Я действительно... Не знаю, как и вышло. Устал, наверное... Ты меня позвала... поговорить. Ну и что-то в мозгах перемкнуло...

– Александр Иванович... – непонятно отчего Майя испытала невероятную опустошённость, сама схватив его за ладонь. Опустошённость была глубокая, бессмысленная и непостижимая. Земля улетала из-под ног, и чёрное небо вертелось сразу во все четыре стороны.

Майя, всегда уверенная в себе настолько, что соблазнить Героя России и полковника Ляхова ей не составило никакого труда, при огромном противодействии со всех сторон, сейчас окончательно растерялась.

Шульгин открыл портсигар, протянул ей, сам закурил.

– Отпустило? Тогда послушай, что я тебе скажу. Глядишь – отвлечёт немного...

Глава 3

«Ладно, во всём разберёмся с течением времени, сейчас нужно заниматься текущими проблемами», – подумала Майя. Ей было очень стыдно за ту сцену, тем более что буквально через минуту они заговорили о другом, и она почти что влюбилась в Александра Ивановича, за его последующие взвешенные слова. Главное же – за то, что он ей пообещал. Не как плату за что-то, а от всего сердца.

Девушки после банных процедур, а также и правильной чарки, видимым образом растормозились. Не давила на них, что отчётливо чувствовала Майя, прежняя дисциплина. А новой ещё не предложено, кроме полушутливых слов Татьяны.

– Значит, так, девчата (не удивляйтесь – у нас это вполне общепринятая форма обращения в своём круге), начинайте и рассказывайте всё, как есть. Валентин вам последний приказ отдал? Считайте, что действительно – последний. Теперь мы с вами, вы с нами, и никто вам ничего не сможет сделать, кроме того, что вы сами позволите. Доходчиво?

Чем хорошо было Дайянино воспитание – оно не предполагало такой вредной вещи, как сомнение в словах вышестоящих.

Не в научном смысле, разумеется, там спорить об истинности теории эволюции или сущности «постоянной Планка» вполне позволялось. Но вот сама идея о том, что руководитель, хоть на ступеньку выше, как в германской армии фельдфебель по отношению к унтер-офицеру, может говорить неправду в основополагающих вещах – для курсанток аггрианской школы казалась абсурдной.

То же самое, неизвестно зачем привитое рассчитанным на жизнь в России девушкам ощущение: обер-лейтенант (не российский поручик) отличается от майора, как плотник от столяра. Кайзер (или его аналог) – светлое Величество, предмет безусловного поклонения и средоточие истинного духа.

Дайяна готовила курсанток для себя и под себя. А они, увидев Майю, Левашова, Кисловск – мгновенно из этого психологического капкана выскочили.

Мадам Дайяна, на себя ориентируясь, рассчитала верно. Её воспитанницам понятие «свобода» было принципиально недоступно. Лет через пять-десять нормальной жизни на Земле кое-кто и может проникнуться духом свободомыслия, но не сегодня. Полный аусгешлэссен¹⁴.

Как Майя и предположила, ответила ей Анастасия, сбросившая халат и вытянувшаяся на диване напротив, в той же, что она сама, позе, совсем как «Обнажённая Маха» с картины Гойи. Только ровно вдвое стройнее (Махи, разумеется, не Майи) и настоящая блондинка с изумрудными (как писал Ефремов – свидетельство абсолютного биологического и психического здоровья), глазами. Да и выражение лица у Насти оказалось отнюдь не лениво-расслабленным. Совсем наоборот.

– Мы согласны, Майя Васильевна: как вами сказано, так мы и будем жить. Только, простите, Андрей Дмитриевич мне ещё кое о чём говорил. И если ваши слова будут расходиться с его, я предпочту...

– Не надо. – Майя не позволила девушке закончить фразу. Она всё поняла. Если с этой девушкой работал Новиков, та, безусловно, никого другого слушать не станет. Всё тот же импринтинг.

– Знаем, знаем. «Если мне будет предложено выбирать – с Христом или с истиной, я останусь с Христом». Всё будет, как ты решишь, Настя. Но пока отвлекись... Если ты в отделении старшая, расскажи всё, что с вами случилось. И было...

¹⁴ Намеренная тавтология, вроде «полного аншлага» и «третьей альтернативы». «Аусгешлэссен» (нем.) – абсолютно исключается.

– Я не старшая... – после короткой заминки ответила Анастасия (очень ей нравилось, когда её так называли). Я первая получила имя.

Остальные девушки почти синхронно кивнули.

– Ну, – сказала Майя, глазами показав Татьяне, чтобы та не вмешивалась. А то вдруг влезет не по делу и настрой сломает. – Хорошо, давай обойдёмся без лишних деталей. Рассказывай всё, что считаешь нужным. Про себя лично или про всех сразу. Итак...

Анастасия рассказала, действительно не особенно вдаваясь в мелкие подробности, но чётко и понятно. Кто они есть (в их собственном представлении), где жили, чему учились, как оказались здесь. Безэмоциональный доклад минут на пятнадцать. Почти никаких имён, очень мало конкретики. Так уж они все были воспитаны. Получился некий аналог гибрида личного листка по учёту кадров и стандартной автобиографии. Кадровиков удовлетворяет – и достаточно.

Майе с Татьяной этого тоже хватило. Их мало заинтересовали цели «проекта», месторасположение базы и многое другое. Главное сам факт – эти девушки взялись, можно сказать, ниоткуда, о подлинных родителях своих они не имели никакого представления, а тех, что подразумевались бы по легенде – ещё не было, как не было и самих легенд. Можно было думать что угодно: курсантки похищены в младенческом возрасте на Земле, или где-нибудь ещё, или вообще «сотворены» неизвестно из чего загадочным способом.

О возможности выращивания детей в пробирках или банальном клонировании в этой реальности пока ещё не знали.

– Таким, значит, образом, – сказала Майя и для успокоения налила себе и Татьяне ещё по чарочке. – Вы вместе с Валентином Валентиновичем чуть не погибли в воздушном бою. Второй раз заново на свет родились. Можем только поздравить. Но зато теперь перед вами открывается новая великолепная жизнь. Без всяких таинственных хозяев, без непонятных заданий, вечных, как сама жизнь, и столь же бессмысленных...

– Вечной жизни не бывает, – ответила ей Кристина. – Она бывает долгая или короткая. Долгой у нас тоже не будет, нам не выдали гомеостаты... А без них такие, как мы, долго не живут.

Майя понятия не имела, что это за штука, но мгновенно увязала слова девушки с тем, что слышала от Ляхова и Шульгина.

– А недолго – это, по-вашему, сколько?

– Примерно, как обычный человек, а учитывая лучшую приспособляемость и сбалансированность организма – немного больше. В среднем, лет девяносто, наверное... Так нам говорили. Но учитывая то, что нам положено заниматься сложными и опасными делами, без гомеостатов и до тридцати можно не дожить.

– Да что это за гомеостат такой? – не выдержала Татьяна.

Анастасия объяснила, коротко и популярно.

«Оно самое и есть!» – подумала Майя, но ничем своих эмоций не выдала. Сказала то, что собиралась.

– Ну, это мы ещё посмотрим, – уверенно заявила она. – Вас же не в дикий лес выбросили. Те, кто озабочен вашей судьбой, на произвол судьбы не оставят. У вас теперь, считай, два крёстных отца есть и две такие же мамы. – Она указала большим пальцем на Татьяну и одновременно кивнула, подразумевая себя.

– Спасибо, – церемонно ответила Анастасия, остальные её поддержали.

– Ну, чисто, детский сад, – усмехнулась Татьяна. – Пойдём, – предложила она Майе, – ещё разок попаримся, сами. А девочки постепенно в меридиан придут...

«А ведь это фраза Вадима», – с непонятной ревностью вдруг вспомнила она. Хотя чего тут ревновать, кого и к кому? Более несовместимых личностей, чем Ляхов и Татьяна, она и представить не могла. Даже в качестве случайных любовников...

Они прошли в турецкие бани, где температура упала до вполне комфортной, устроились на лежанках.

– Кажется, мы влезли не в своё дело, – сказала Татьяна, вытягиваясь во весь рост. – Совсем мне всё это не нравится, факт...

– Да брось ты, с чего вдруг такой минор? Мы влезли «не в своё дело» с того момента, как познакомились с нашими мужиками. А они, в свою очередь, с друзьями. На том выбор и кончился. Зато кем ты была и кем сейчас стала? И это ведь только начало. – Майя потянулась, и вдруг начала делать физические упражнения, изображая из себя цирковую «девушку-каучук».

Татьяна смотрела на неё взглядом куда дольше прожившей и больше испытавшей, умудрённой женщины. Так оно в принципе и было, только не всякий опыт позитивен и идёт во благо.

– Не поверишь, у меня такое ощущение, что мы на минное поле забрели... Или – в заколдованный замок. – Любченко-Тарханова продолжала гнуть свою линию.

– Да что за ерунда? Лихарев – бог с ним, а Олег ведь свой. Вадим мне сказал, что на него во всем полагаться можно. И на него, и на всех остальных. Сама же всех видела... – Майя от смешанного с удивлением раздражения даже прекратила свою гимнастику.

– Видела-то видела... Я наш поход никак забыть не могу. Вдруг сейчас что-то подобное случится? Зачем нам их подсунули? Что дальше будет? А если за ними кто-то придёт? И нам за всё отвечать...

Майя подумала, что Шульгин был прав. Кое от чего Татьяна излечилась, но зато в ней стала доминировать прежняя личность, вялая, мещанистая, не склонная к переменам и авантюрам. Так, скорее всего, оно и есть, если собственными силами подруга к тридцати годам не добилась в жизни абсолютно ничего, а её феерический взлёт к вершинам случился именно в ненормальном состоянии.

Вот сейчас можно произвести небольшой тест, а также наставить Татьяну на путь истинный. Если удастся.

– Слушай, мадемуазель Любченко, или мадам Тарханова, как тебе удобнее. Если боишься – так чего проще? Садись в аэроплан, и через два часа – Москва. Там тебя никто не достанет, Сергей с Вадимом от всего защитят. А особенно – их Императорское Величество... А я тут как-нибудь сама справлюсь, пока Лариса не подъедет...

Татьяна удивлённо села. И Майя наметанным взглядом уловила, как у неё вдруг заметно дёрнулась щека. Причём совпал этот мимический штрих с упоминанием Высочайшего имени. Она ведь сказала просто так, для убедительности, мол, кавалерственная дама, причисленная к свите, может рассчитывать на должную степень физической и правовой защиты. Не более того. Или ошиблась, и реакция относилась именно к Тарханову? Да нет, не похоже... Неужели? У Майи мгновенно сработала эйдетическая¹⁵ память изощрённых в дворцовых интригах десяти поколений предков.

Впрочем, сейчас не время отвлекаться на эту самую по себе очень любопытную тему. Отложим в дальний ящикек памяти.

– Чего ты вдруг? Я ничего такого не говорила, – очень убедительно спросила Татьяна, мгновенно взяв себя в руки.

– Как не говорила? Именно, что сказала. Ты очень испугалась – минного поля, заколдованного замка и покойников из бокового времени. Что не хочешь ни за что отвечать. А за что нам с тобой отвечать? Окстись, подружка. Ты или перепарилась, или – недопила. Причём учти...

Майя села на мраморную скамью, скрестив ноги и руки, наставив на Татьяну пристальный взгляд. Вполне шутливо имитируя жрицу тантрического культа.

¹⁵ Генная память, иногда имеющая выход из подсознания в сознание (см. И. Ефремов. «Лезвие бритвы»).

– Учти, уйдёшь, за что я совершенно не буду на тебя в обиде, хозяин – барин, хочет – живёт, хочет – умрёт. Но ты можешь упустить одну очень интересную штуку...

– Какую? – заинтересовалась Татьяна.

– А ты чем слушаешь? – Природная боярыня плебейским жестом похлопала себя по аккуратненькой ягодице. – Бессмертия – не хочешь?

– При чём тут... – и запнулась. То ли что-то вспомнила, то ли сообразила. – Повтори ещё раз.

– Про гомеостат – слышала? Это раз. А есть ещё и два...

«Рано или поздно, всё равно придётся ей рассказать, – подумала Майя. – Так почему не сейчас? Времени у нас достаточно, девочки подождут».

Майя, с удовольствием и не торопясь, начала выстраивать подходящую для Татьяны версию событий «ночи с шашлыками» и кое-чего, ей предшествовавшего.

– ...Мы с Вадимом, когда вернулись из Пятигорска в Кисловодск, в моей комнате ещё немножко выпили, ну и разговорились. Тогда он и сообщил, что кроме нашего мира и «бокового времени» есть ещё множество других. Кстати, Ирина и Сильвия – женщины из совсем не нашего мира, хотя очень долго живут на Земле. Тоже не совсем этой, но расположенной буквально в двух шагах, туда можно ходить, как в соседнюю комнату.

«И ты ходил?» – жадно, с замирающим сердцем спросила я у него.

«Ещё нет. Однако, может быть, сходим. И очень скоро. Вместе...» – обнадежил он меня.

«Интересно бы. – Я вздохнула, очарованная этой идеей. – А Лариса – тоже такая, как те?»

«Нет, она здешняя. Почти. А вот Ирина и Сильвия – совсем другие. Как ты думаешь, сколько Сильвии лет?»

Я задумалась. По виду – тридцать пять, а то и чуть меньше. Но в чём-то кроется подвох?

«Пятьдесят?» – Я назвала наобум этот весьма преклонный возраст, который к себе в двадцать шесть примерить трудно.

«А сто пятьдесят не хочешь?» – ответил Вадим.

«Врёшь». – Я даже подскочила. Поверить в такое было невозможно.

«Чего ради? Мне так сказали, а в «Братстве» друг другу врать не принято».

«А Ирине сколько?»

«Получается, хронологически немного за пятьдесят, биологически – тридцать – тридцать два. Насколько я знаю».

«Здорово! – Я от возбуждения забегала по комнате. – А мы так не сможем?»

Вадим усмехнулся, протянул мне рюмку.

«Наверное, сможем. Если «старшие» разрешат...»

Больше он в ту ночь мне ничего не сказал. Как я ни допытывалась. И так уже, наверное, вышел за определённые для него рамки.

С утра и весь день я только и делала, что присматривалась к Ирине и Сильвии. Пыталась уловить малейшую деталь поведения, слово, жест, чтобы понять, чем они отличаются от нас. От меня, тебя, Ларисы. Получалось, что почти ничем. Хотя нет, кое-что, разумеется, было. Я выискивала в Сильвии следы её «полуторавековости» и, кажется, находила.

И всё время воображала, как мы сами будем жить дальше, если узнаем, что смерть и старость нам больше не грозят.

Потом мы поехали в горы. Это ты сама помнишь. Когда гулянка была в самом разгаре, я позвала Шульгина на улицу. Поговорить...

О том, что случилось в начале разговора, она, естественно, умолчала. Зато подробно поведала о дальнейшем.

...Майя спросила, действительно ли Сильвия живёт так долго, как сказал ей Вадим? Александр Иванович подтвердил.

С замиранием сердца она осведомилась, доступно ли такое же долголетие для остальных?

Шульгин засмеялся и ответил, что если она будет себя хорошо вести, на сотню лет жизни с сохранением теперешней внешности на ближайшие полста может рассчитывать. Как фронтовой лейтенант наверняка станет капитаном, если...

Эту оговорку она проигнорировала, капризным голосом заявив, что и семьдесят пять – это жутко много, и она себя в таком возрасте не представляет.

– Ну да, – с обычной иронической интонацией сказал Шульгин, – тебе уж двадцать пять, год-два, и станешь ты старухой...

– Это из Пушкина?

– Наверное. Вольная интерпретация...

– Я понимаю. Но сейчас вы мне должны ответить. Я согласилась стать вашим... вашей...

– Младшей сестрой, – помог ей Александр Иванович. – И это правильно. Что согласилась. Впрочем, вариантов у тебя особых не было. Если Ляхов с нами. Куда иголка, туда и нитка. Только тут ведь и обратная зависимость. Разойтись ты со своим Вадимом, может, и вздумаешь, а с «Братством»... Обратной дороги нет.

– То есть как это? – Майя задохнулась от возмущения. – Вы меня что, навек к нему привязываете?

– Не понял, – с лёгкой иронией ответил Шульгин. – Ты разве, замуж выходя, такую формулу не подразумевала: «В горе и в радости, пока смерть не разлучит нас...»

– Ах, да, конечно. – Она сообразила, что сказала глупость. Просто слишком неожиданно было услышать, что в результате недолгого знакомства с этими людьми она теперь обречена на почти вечную совместную жизнь с одним-единственным мужчиной, пусть даже Вадимом... Сейчас они друг друга любят, несомненно, но мало ли что может случиться за годы и десятилетия...

– Это так, бесспорно. Но... Допустим, чисто условно. Вдруг встретится мне какой-то другой мужчина, и окажется, что это с ним мы по-настоящему созданы друг для друга, а с Вадимом – ошибка. Бывает так?

– Ещё бы, – понимающе кивнул Шульгин. – Бывает, когда к счастью, когда к сожалению...

– И в этом случае вы меня... Ликвидируете, как предательницу? Если тот человек вам не покажется подходящим.

– Очевидно, умеренно жёсткая акция в отношении Лихарева, свидетельницей которой ты стала, произвела на тебя слишком сильное впечатление. На самом деле мы люди гуманные. Иногда – чрезмерно. Захочешь уйти – уйдёшь. Всего-навсего забыв некоторые вещи, в другой жизни лишние. Правда, за всё время существования «Братства» никто из него не вышел. Слишком много возможностей устроить свою жизнь без подобных крайностей.

Шульгин докурил сигарету и щелчком послал тускнеющий огонёк на середину потока. И вдруг опять протянул руку. Коснулся плеча. Майя непроизвольно дёрнулась. Вдруг он всё же передумал, и сейчас что-то произойдёт? И тут же поняла, что в этом жесте нет ничего интимного. Так действительно мог бы поступить старший брат, успокаивая младшую сестру.

– Только, видишь ли... Постоянных истин никто не отменял. Например: «Господь дарует вам жизнь вечную, но не обещает завтрашнего дня». Или – наоборот. Неважно. И уверена ли ты, милая Майя Васильевна, что вечная жизнь в реале так уж привлекательна?

– Не уверена, – честно ответила она, – но в любом случае мысль о том, что не станешь старухой через двадцать лет и не умрёшь в семьдесят – очень привлекательна.

– Не стану спорить. Старухой через двадцать лет ты не станешь. Это я тебе железно гарантирую...

Майя закончила рассказ, и так всё сумела подать, что Татьяна осталась в полной уверенности, будто и её обещание Шульгина касается в полной мере. На самом деле, речь о ней вообще не заходила. Слишком напряжённое у Майи с Александром получилось свидание, чтобы ещё и о подруге вспомнить.

– А они нас не... обманывают? – спросила Татьяна.

– Зачем, вот вопрос. После всего, что ты уже видела. Ожившие покойники – куда более невероятная вещь, чем столетние молодухи. Так что не дрейфь, мы ещё поживём. А пока давай девочками займёмся.

Вернувшись в гостиную на втором этаже, Майя сняла с полок этажерки целую кучу каталогов, которые Лариса еженедельно получала из представительств многочисленных российских и иностранных фирм, обосновавшихся на Водах.

– Будем выбирать, барышни, вам много чего потребуется для новой жизни.

Курсантки, обладавшие всем спектром нормальных женских инстинктов, до сих пор пребывавших в латентной форме, пришли в немалое возбуждение и даже восторг, разглядывая фотографии манекенщиц, демонстрирующих сотни фасонов платьев, костюмов, комплектов белья, чулок, обуви, бесчисленных аксессуаров.

– Постепенно привыкнете, – посмеиваясь, говорила Майя. Честно говоря, она им сейчас завидовала, как завидуешь человеку, впервые в жизни собирающемуся, допустим, в Париж. Той яркости первых впечатлений, которые ему предстоят.

– Сейчас сообразим, посмотрим, у кого какие вкусы и кому что лучше подходит. Одеваться, как в сиротском приюте, больше не будете. Раз уж вы такие... похожие, индивидуальность станем выявлять реквизитом. Вы пока рассаживайтесь, подальше друг от друга, и выбирайте, в чём бы каждая хотела выйти в город на прогулку. Прямо сегодня. Исходя из погоды и из того, что сейчас вы в курортном городе. Друг с другом, чур, не советоваться, категорически запрещаю. А я для начала поработаю с Настей. Татьяна Юрьевна с... Ну, хотя бы с тобой, – она указала на пепельную блондинку (совершенно натуральную), с высокими скулами и большими выразительными глазами. Интересный типаж. Мужики будут за ней табунами бегать.

– Как зовут?

– Мария.

– Маша, значит. Или – Маня. Как тебе больше нравится?

– Маша, – непонятно отчего девушка слегка покраснела. Майя не могла знать, что так её впервые назвал Шульгин метельной ночью на Валгалле. Для Марии это было совсем недавно, и она всё ещё находилось под впечатлением того, что тогда случилось.

– Так тому и быть, – кивнула Татьяна. Ей предстоящая работа начинала нравиться. Своими руками превратить этих «недоделок», как она про себя назвала отданных под присмотр воспитанниц, в настоящих женщин.

– Итак, давай с самого начала, – сказала Майя, когда они с Анастасией перешли в её комнату. – Сначала покажи, что бы ты сама выбрала. – Она раскрыла толстый, в полтысячи страниц каталог нижнего белья.

Настя растерялась. Один-единственный раз, готовя её к встрече с Новиковым, Дайяна выдала комплект земной одежды, какой сама сочла подходящим. И объяснила, как и что надевать и носить. Перелистывая глянцево-страницы, девушка увидела нечто похожее, по крайней мере – знакомое, и указала пальцем.

Майя рассмеялась.

– А у тебя есть вкус. Только имей в виду – такое надевают при вполне определённых обстоятельствах. Если тебе нужно соблазнить мужчину, в чьих чувствах ты не совсем уверена,

но твёрдо намерена добиться своего именно сегодня. Или если ты – на работе. Понятно излагаю?

– Понятно, – потупилась девушка.

– Для повседневного употребления наряд совершенно непрактичный. Чтобы чувствовать себя комфортно, но и быть готовой к приятным неожиданностям – подойдёт, пожалуй, вот это. И это тоже... Просто, удобно и со вкусом.

Затем выбрали несколько комплектов верхней одежды на утро, день и вечер.

– На высоких каблуках ходить умеешь?

– Несколько раз пробовала, но по-настоящему – нет, не умею.

– Научим, а пока будем исходить из реальных способностей...

Закончив с подборкой экипировки для всей команды, Майя сделала заказ по телефону. Приказчик, обалдев от грандиозного заказа, с которого ему обломится приличный процент, заверил, что всё требуемое будет доставлено в ближайшие три часа. И, чуть замывшись, назвал сумму, во что это уважаемой мадам обойдётся. Она едва удержалась, чтобы не присвистнуть в трубку. Однако... Девочки прямо сразу начинают влетать в копеечку. Хорошо, что не им с Татьяной, а Лихареву.

– Через два максимум, – жёстко ответила Майя. – И твой процент сюда включён. Не каждый день у вас такие клиенты. Время пошло...

– Красота того стоит, – узнав цену, усмехнулась подруга. – Уверена, они там сейчас на фирме оживлённо спорят, откуда вдруг в городе объявился целый взвод красавиц с идеальными габаритами, голых и босых, зато с чемоданом денег.

– Ну и пусть спорят. Жаль, что мы не слышим. Слава богу, у нас пока тем, кто платит, лишних вопросов не задают. А если б кто и задал, так нам, по счастью, и придумывать ничего не надо. Младшие сестрёнки с подружками приехали из Смольного института и захотели шикануть по полной, как взрослые. Благо, любящие старшие не в силах отказать...

– Так, мадемуазели, кто какие языки знает? – спросила Татьяна.

– Все, – ответила Настя.

– Что все, я и не сомневаюсь. Я спросила – кто какие.

– Я и говорю – все знают все основные европейские языки. Азиатские и африканские в нашей группе не изучали.

– Лихо, – восхитилась Майя. – В совершенстве?

– Конечно. И с диалектами.

– Да-а... – покрутила головой Татьяна. – Ладно, вы пока ещё журнальчики полистайте, а мы выйдем, покурим.

Опершись о перила балкона, она сказала, мечтательно глядя на пейзаж внизу:

– Знаешь, в чём смех? Мы, при необходимости, уже завтра могли бы отбить те деньги, что за обновления выложим.

– На панели? – догадалась Майя.

– Зачем так грубо? Просто по старым связям я могла бы найти достаточное количество оч-чень солидных людей, готовых заплатить сумасшедшие деньги за знакомство с такими вот гейшами или гетерами. Экскурсоводшами, проще говоря. Обычные шлюхи, любого разбора, им ни к чему. А вот такие девочки, с которыми можно появиться хоть в театре, хоть в клубе, вдобавок – нетронутые, не согласные расстаться со своим богатством задёшево – это, я тебе скажу...

– И зачем ты это мне говоришь? – прищурилась Майя.

– Да так. В голову пришло. Я же не говорю, что собираюсь стать бандершей. Я о том, что в любой игре наши девчонки – чистые джокеры.

– Так их к этому и готовили.

– И почему-то не успели. Странно это. Ну, был бой с какими-то медузами, так отчего они потом домой не вернулись? Зачем их Левашов сюда притащил? Его объяснения меня не очень убедили. Ей-ей, нечисто здесь, только непонятно, что именно. И главное – хорошо это или плохо – для нас?

– Не забивай себе голову. Сегодня позвоню Вадиму, постараюсь разузнать поподробнее. Если он сам что-нибудь знает. А пока пойдём. Знаешь, что мы забыли? Пока барахлишко подвезут, надо им фамилии-отчества придумать, и сказать Лихареву, чтобы паспорта им оформил...

Татьяна разыскала на полках справочник «Вся Москва» за прошлый год, где содержались краткие сведения обо всех более-менее заслуживающих внимания гражданах высших сословий, то есть дворян, купцов начиная со второй гильдии, чиновников и офицеров, заметных лиц свободных профессий. Тысяч сорок персоналий, напечатанных мелким шрифтом в две колонки.

Объяснила девушкам, чем они сейчас займутся.

Те не возражали. Если их возвышал над однокашницами факт получения имени, то остальные атрибуты полноценной личности, включая паспорт, – полностью переводил в новое качество.

Майя расчертила таблицей лист бумаги.

– Чтобы не запутаться. Начинаем.

Татьяна наугад раскрыла том. Попала на букву «В».

– О! Пусть так и будет. Раз вы у нас из первой партии (глядишь, скоро и другие появятся), давайте отсюда и выбирать.

– Как наши катера одного дивизиона, – фыркнула Майя, вспомнив морское путешествие. – «Сильный», «Смелый», «Страшный» и так далее.

– Вот именно. Вы, девушки, не против?

Девушкам, наоборот, было очень интересно.

– Тогда поехали...

Согласились, что фамилии должны быть звучные, достаточно известные, принадлежащие настолько разветвлённым родам, что и сами их носители не в состоянии были упомянуть всех родственников дальше второго колена, а уж тем более всяческих свойственников и однофамильцев.

Исходя из имеющихся имен, фамилии и отчества подбирали в стиль.

Вот что получилось.

Фамилия	Имя	Отчество	Род занятий, гражданское состояние
Вельяминова	Анастасия (287)	Георгиевна	учащаяся, дворянка, девица.
Вольнская	Кристина (291)	Станиславовна	— " —
Варламова	Мария (289)	Александровна	— " —
Витгефт	Герта (286)	Карловна	— " —
Верещагина	Марина (285)	Васильевна	— " —
Вирен	Инга (288)	Робертовна	— " —
Вяземская	Людмила (290)	Никитична	— " —

– Несколько нарочито, но сойдёт, – подвела итог Майя.

– Ничего не нарочито, – возразила Татьяна. – Ты бы посмотрела списки групп, с какими мне приходилось работать. – Вот там – нарочно не придумаешь. Наших девчат никто в такую таблицу заносить не станет. Зато каждая сама по себе – очень даже элегантно. Запомнили, барышни? Вот и хорошо. Завтра паспорта получите, и вы – полноценные российскоподданные. А вон, кажется, и экипировка прибыла, – услышала она гудок машины у ворот. Сейчас приоденемся – и в город, на рекогносцировку местности...

Прогулка получилась великолепная. И развлекательная, и поучительная. Восхищённые девушки поначалу чувствовали себя неуверенно. Их планета, и долина, где размещался учебный центр, были красивы ничуть не меньше, чем Земля. Но к тем безлюдным ландшафтам они давно привыкли, а здесь живая природа гармонично дополнялась праздничной архитектурой и всей инфраструктурой курортного города. И жизнь вокруг кипела, бурлила и переливалась всеми своими красками и гранями.

А самое главное – вокруг ходили, ездили в автомобилях, сидели на бульварных скамейках и под навесами кафе, кабачков и духанов тысячи людей: мужчин, женщин и детей всех возрастов, наций и степеней достатка. Говорили, кричали, даже пели за уставленными напитками и закусками столами.

Происходящее вокруг было не всегда понятно, но невероятно интересно.

Конечно, курсантки последний год своего обучения почти ежедневно знакомились с обычаями и поведением людей по видеозаписям и игровым фильмам, но то, что оказалось наяву, не шло ни в какое сравнение. Кстати, Валентин Лихарев однажды выразился в подобном духе: «Вообразать земную жизнь по этим картинкам – всё равно, что нюхать розу в противогазе».

Чтобы уберечь своих подопечных от сенсорных перегрузок и эмоциональной контузии, Майя с Татьяной после двухчасовой прогулки по городу увлекли их в глубину Курортного

парка. Там они нашли уютный, почти пустой ресторанчик с верандой, нависающей над центральными аллеями. Разместились, заказали фрукты, мороженое, шампанское.

– Так, девчата, – сказала Татьяна, – вы угощайтесь, дышите воздухом, поболтайте, обменяйтесь впечатлениями, а мы с «тётей Майей» вон там, в уголке, тоже о своём поговорим.

За «тётю» она тут же получила шуточный тычок локтем под рёбра, незаметный со стороны.

С того места, что подруги заняли, им хорошо был виден и стол курсанток, и стойка бара, и ведущая к веранде дорожка. Себе они заказали неизменный кофе, который здесь был очень неплох, графинчик старого коньяка, ледяной нарзан в запотевших бутылках.

– Я была права, – сказала Татьяна. – На наших девчонок пялились все, от скаутов до пенсионеров. Хотя вроде бы здесь всякого навидались. Мы с тобой тоже очень ничего себе, но такого фурора не производим. Это не слишком хорошо.

– Избыточная концентрация красоты, впредь придётся разбавлять, – согласилась Майя. – Любой мужик в любой точке планеты точно обалдел бы, увидев в куче девять супердевок, если они не на сцене кабаре. Элементарное подсознательное знание теории вероятности у каждого есть. И всякое несоответствие напрягает и нервирует.

Она достала из сумочки секретный, доступный только весьма ограниченному кругу сотрудников императорской безопасности радиотелефон в виде сигаретной пачки. Даже Ляхову такой выдали далеко не сразу, и он долго скрывал его от Майи, пока не пришлось в открытую использовать в приключении на пароходе¹⁶. Считалось, что ни в одной стране цивилизованного мира до подобного ещё не додумались. Да и в России количество выпущенных приборов исчислялось едва ли парой тысяч. Почему так, Майя не знала. То ли технологические трудности, то ли политический расчёт.

Зато когда это чудо техники попало на глаза Левашову, тот, покрутив коробочку в руке и невзирая на протест Ляхова, снял заднюю крышку, одобрительно поцокал языком.

– Надо же, до чего додумались! Супротив сотовой связи, конечно, примитив, но вообще здорово. Вроде авианосца на вёсельном движителе.

И – сразу видно специалиста не только в технике, но и в других делах тоже – спросил Вадима:

– Жуткий дефицит, конечно? Даже у твоих подруг нет, в критический момент на городскую проводную связь надеются...

Ляхов согласился. Увы, несмотря на чины и должности, далеко не каждому полагается.

– Хорошо, подожди немного. – Левашов интригуяще улыбнулся. Небрежно сунул драгоценный аппарат в карман рубашки и, насвистывая что-то отдалённо напоминающее арию индийского гостя («Не счесть алмазов в каменных пещерах»), поднялся по очередной лестнице Ларисино терема.

Вернулся минут через двадцать и, отозвав Вадима с Майей в сторону от веселящейся компании, выложил на журнальный столик десять совершенно одинаковых пачек «Дюбека».

– Выбирай, где твой, – предложил Ляхову.

Тот, при самом тщательном рассмотрении, не нашёл никакой разницы. Сам факт «умножения сущностей» его не удивил. Успел узнать возможности «Братства».

– Раньше бы сказал, мы б весь ваш мир завалили этими штуками, за хорошую плату, естественно, – говорил Олег. – А это так – на скорую руку. Чтобы хоть вы между собой могли спокойно общаться.

¹⁶ См. роман «Билет на ладью Харона».

– Не выйдет спокойно, – мотнул головой Ляхов. – Вся связь всё равно через центральный узел идёт и тщательно контролируется. Машинки-то вот они, а позывной у каждой индивидуальный...

– Я ведь тебе не предлагаю болтать по ним, как по телефону-автомату. На крайний случай. Ежели промедление смерти подобно. Да и наверняка вы с Тархановым, при вашей власти, сумеете несколько лишних номеров в списки вставить.

Сейчас Майя вызвала Вадима. Тот отозвался на пятой секунде. Она совсем коротко спросила, как у него дела, и сказала, что случилось нечто крайне интересное, требующее его немедленного появления в Кисловодске.

– Как прошлый раз?

– В своём роде даже интереснее. Сумеешь завтра вылететь первым самолётом?

Ляхов привык, что по пустякам жена его не дёргает и спецсвязью не пользуется.

– Надо – сделаем... Могу и сегодня. Есть рейс на Минводы в ноль-пятнадцать. Прямо сейчас машину вызову, в аэропорт – и к вам.

– Спроси его, а Сергей с ним не сможет? – подсказала Татьяна.

– Вдвоём и сразу – точно нет, – ответил Ляхов. – Своих заморочек полно. Если со всеми разгребёмся – через неделю минимум. Это я – сравнительно вольная птичка, а он плотно занят, час назад я от него вышел. Даже в казино с девочками пойти отказался.

– Приедешь – будут тебе девочки, – словно бы с нехорошим обещанием в голосе сказала Майя, и это был тот редкий случай, когда Вадим на той стороне «провода» понял её неправильно. То есть не уловил, что в данном случае она говорит буквально, без задней мысли и намёка.

– Тогда – конец связи. Жду у Ларисы... около двух?

– Скорее – трёх. Можешь немного поспать...

– Вот это – вряд ли.

Она нажала кнопку отключения, и не только по причине несанкционированной загрузки линии. Татьяна под столом толкнула её коленом.

– Я наблюдала за барменом. Он только что звонил по телефону...

– Ну и что? – не поняла Майя.

– Ты приезжая, я – местная. Не только обычаи знаю, а и по губам читать умею. Не в совершенстве, но в сочетании с мимикой и взглядами – понимаю. Иначе как бы мы тут выжидали? Тарханов тоже наш, ставропольский, потому у него в «Бристоле» получилось¹⁷. Попади на его место твой Вадим – и до задних ворот не дошёл бы...

Майе эти слова показались обидными, но пришлось согласиться. Она имела собственное мнение о достоинствах самых близких ей и друг другу мужчин, но по поводу подвига Сергея в Пятигорске – ни убавить, ни прибавить.

– И что ты прочитала?

– По смыслу – приезжайте, есть классные... дальше не по-русски. Много, всем хватит, – и заржал, как они любят. У них жеребьячий гогот выражает высшую степень самоуважения...

Майя готова была отнестись к словам Татьяны пренебрежительно, мол, пуганая ворона и так далее, но слишком у истинной казачки стало серьёзное лицо. Глаза сузились, и губы сжались в нитку. Такой она её редко видела.

Самое же главное – просто не могла Майя себе вообразить, что в шикарном курортном городе (куда до него пресловутому Баден-Бадену), где отдыхает и веселится лучшая часть российского общества, следует чего-то опасаться. А полиция, а жандармерия, картинно гарцую-

¹⁷ См. роман «Билет на ладью Харона».

щие по улицам казаки Терского войска? Особенно меры безопасности усилились после налёта боевиков на Пятигорск.

Но Татьяна именно в этом случае наверняка умнее и опытнее её.

– Быстро, – сказала та, – звони Лихареву. Скажи, где мы и в чём дело.

– Но я так и не знаю, в чём...

– Дура! – Татьяна выхватила у неё переговорник и, нервничая, не сразу нашла нужные кнопки. Хорошо, Валентин ответил сразу. Торопливо сказала несколько слов. Видимо, достаточных.

Майя в это время наблюдала за барменом. Красивый парень, с шикарной тёмно-рыжей шевелюрой. Поймав её взгляд, улыбнулся «на ширину приклада», как любил говорить Тарханов в духе своих горно-егерских казарм, вышел из-за стойки.

– Чего-нибудь ещё прикажете?

– Да. По сто грамм коньяка нам и три бутылки шампанского тем девушкам, и – мигом! – Майя поразилась, как неуловимо быстро лицо Татьяны из напряжённо-жёсткого стало пьяновато-расслабленным. Специалистка.

– Как прикажете. – Бармен тоже изобразил душевную приязнь. Заказ клиенток тянул на очень хорошую сумму. Те четверо отдыхающих в правом крыле веранды, что второй час не могли допить литр сухого, его не интересовали.

Пока он исполнял заказ, Майя (эмоциональный заряд Татьяны подействовал), раскрыла сумочку и поставила её рядом. Инкрустированный «вальтер-РР» взвела незаметным движением. Подруга сделала то же самое, одновременно прошептала:

– Только не вздумай стрелять на поражение. Иначе не сегодня, так завтра нам конец. Все аулы поднимутся. А я вроде по нужде схожу. Осмотрюсь там...

Майя подумала, что она права. Если всерьёз стрелять начнут – конец, пусть и не в физическом смысле. Вадим прилетит, заберёт их отсюда, но – это будет навсегда. Кровная месть и всё такое. Зато есть куда более красивый ход. Наверное, Татьяна его тоже просчитала. Она заказала для девочек ТРИ бутылки шампанского. Значит, сейчас на столе у них будет ровно семь. По одной на каждую.

Пока бармен суетился, Татьяна по пути в туалет коснулась плеча Анастасии. Та, отчётливо среагировав, подскочила и пошла следом. Бармен (заметила Майя), следил за Настей взглядом голодного волка. Наверное, просто потому, что у этой сейчас видны были высоко открытые ноги, а прочие прятали их под столом.

«Ох, и дикий народ», – вспомнила она слова бессмертного романа.

Хорошо, две дамские кабинки находились в отдельном помещении, там никого не было, а кирпичные стенки и расстояние от зала исключали возможность подслушивания. Если, конечно, здесь не установлена аппаратура. Только вряд ли, не тот уровень кабака. По работе она знала, какие точки находятся под контролем. Сама водила кого нужно куда прикажут.

– Настя, вы к рукопашному бою подготовлены?

– В какой степени, Татьяна Юрьевна? – глядя чуть в сторону, спросила Анастасия.

– Если сейчас появятся десятка полтора агрессивно настроенных парней... То есть нет. Сначала они будут очень любезны. Compliments, пусть и грубые, предложения выпить и потанцевать, поехать с ними на водопады... А когда вздумаете отказать – тогда и начнётся. Вариант простейший – вас всех, и меня с Майей тоже, изнасилуют на месте. В грубой и извращённой форме. Фантазии и сил у них хватит. Потом уедут, и концов не найдёшь. Вариант ухудшенный – погрузят в машины и увезут в горные аулы. Там будет то же самое, каждый день, в промежутках – тяжёлая работа...

– Я поняла, Татьяна Юрьевна. – Лицо Насти оставалось почти безмятежным. – Убивать не надо, правильно?

– Правильно. Но сделать так, чтобы ни один, ты пойми – ни один до утра не встал, не смог позвонить, и чтобы ни одна машина отсюда не уехала – сможете?

– Сможем, Татьяна Юрьевна. Кроме того, постараемся, чтобы и со стороны никто ничего не услышал и не понял... Я сейчас девочкам всё скажу.

Они успели вернуться, и ставший до неприличия любезным бармен, Руслан, как он назвался, подал всё, что заказали. Допившие свое вино мужики с дальнего столика как-то незаметно слиняли, то ли почувствовав сгущающуюся атмосферу, то ли просто так. Время вышло. На девичий цветник внимания вроде бы совсем не обратили. Педерасты, что ли?

Тёплый южный ветер накидывал на веранду запах роз из одноимённой долины. Может быть, единственной в мире, где сразу цвели десятки тысяч кустов сотни разновидностей. Иногда от этого густого запаха перехватывало горло.

Три большие чёрные машины, светя фарами, подъехали совсем не с той стороны, откуда ждала Татьяна. Оказалось, что к ресторанчику вела не только пешеходная дорожка, находившаяся в поле зрения. Позади, за хозяйственными постройками, имелся заезд для технологического транспорта. Мусор забрать, продукты доставить.

Дальше – как Татьяна и просчитала. Пятнадцать лихих горских парней навскидку не определяемой национальности, с тем же отвязанным гоготом ввалились на веранду. Хорошо одетые, в возрасте от двадцати до тридцати, явно имеющие какое-то образование выше начального. Не пастухи из отдалённых аулов. Может быть, приехавшие на каникулы сыновья горских беков, ханов и князей.

Ещё хуже, подумала она. Этих, что они ни сделай с обычными туристками, полиция искать не станет. Спишут на каких-нибудь маньяков.

Ещё один признак цивилизованности, точнее – особой изощрённости парней. Никто не стал приставать к девушкам сразу. Расселись за столиками, грамотно перекрыв все входы и выходы с веранды. Заказали вина, дружно закурили, потребовали у бармена поставить восточную музыку, и погромче. Только потом, невзначай, обратили внимание, кто рядом присутствует.

И – общий восторг! И комплименты, почти приличные, но с отчётливым подтекстом. Дальше – больше. Попытки подсесть рядом, познакомиться, за ручку потрогать, на танец пригласить. Самое-то главное – никого вокруг посторонних, на полкилометра, считай, и по позднему времени новых посетителей не появится. А тут – девчонки, почти школьницы, мороженым с шампанским балуются. Невыносимый соблазн.

Однако старшего из компании что-то насторожило. Или бармен Руслан их об этом предупредил. Две русских бабы постарше, сидят отдельно, но смотрят чересчур неприятно. Опытный кавказский мужчина, при всём своём показном, на соплеменную публику рассчитанном героизме, казаков и их женщин (этих даже больше) остерегался. Генетически. Но не терять же лица?

Бабы красивые, взрослые. Наверняка неглупые. Стоит подойти, поговорить. Глядишь, за хорошие деньги согласятся и в подсобку сходить. С ним одним – обе сразу. Ему хорошо, им хорошо, настоящее удовольствие получают, и парням никто не мешает.

Подошёл со своим стаканом, ногой подвинул стул, сел.

– А не свалить ли тебе, землячок, покуда живой? – спросила Татьяна, выслушав предложение горца, чью национальную принадлежность не успела определить. Не черкес, не карачевец – точно. Прочие племена и народы она различала плохо.

– Грубить хочешь, девушка? – продолжая изображать из себя что-то похожее на итальянского актёра Марчелло Мastroяни в роли сицилийского дона, с улыбкой спросил горец. – Дорого обойдётся.

– Тебе – грубить? – тоже улыбнулась Татьяна и, словно пудреницу, достала из сумочки «РР». – Не стоишь ты того. Без всяких грубостей. Что предпочтёшь – в лоб или в живот? Мне – без разницы, а тебе?

В этот же момент Майя под столом протянула руку со своим инкрустированным девятимиллиметровым «вальтером» и уперла ствол в самое дорогое для любого кавказского мужчины место. Причём упёрла больно, резким тычком.

– Как тебя зовут, милый? – спросила она.

– Арслан, – ответил тот, пытаясь даже в этом положении сохранить лицо. – Меня все тут знают. Не думайте, что такое вам пройдёт даром...

– Как нам пройдёт – видно будет. А вот тебе, когда яйца с хером отстрелю, никакой доктор причиндалы обратно не пришлёт. Разве что от барана. И весь Кавказ смеяться станет...

Майя отвлеклась на непосредственного клиента и пропустила момент, когда началось за столом у девочек. Кто-то из горячих горских парней совершил первую роковую ошибку. На самом деле с любой нормальной кавказской точки зрения ошибкой это не было. Самая что ни на есть норма. Адат¹⁸.

Семь юных девушек ночью сидят за столом, при них ни одного русского мужчины. Значит – понятно, кто. Четырнадцать крепких, уже возбуждённых парней окружают их со всех сторон, помешать некому. Что творится за спиной со старшим товарищем – не видно, да и некогда смотреть и незачем.

Для начала первый, самый активный, наследный князь двух аулов и тысячи баранов, наверное, в белом костюме и чёрной рубашке, положил тяжёлую ладонь на тонкую шею Марины. И совсем легонько сжал пальцы. Просто чтобы почувствовала, поняла.

Никто не успел заметить, как сидевшая напротив Герта схватила за горлышко бутылку шампанского и ударила красавчика снизу вверх, под челюсть. Тот, едва не уйдя в заднее салто, рухнул на вымощенный цветной плиткой пол, прилично приложившись ещё и затылком.

Дальше пошёл уже настоящий цирк. В том смысле, что имел место весь набор приёмов, которыми поражают публику акробаты, эквилибристы и прочие клоуны. Только всё – в одни ворота.

Вертелись, подпрыгивали, взлетали в воздух, приземлялись мордой вниз, переваливались через перила, смешно болтая ногами, исключительно гости. Девушки скользили по веранде, взмахивали руками стремительно, бесшумно, почти на грани зрительного восприятия. Даже бутылки шампанского не всегодились в качестве оружия.

Полторы минуты максимум – и конец забаве. Куда аборигенам с опытом исключительно уличных мордобоев «до первой крови» из носа выстоять против боевых машин, пусть и из плоти и крови. С мышцами, как у чёрной пантеры, и реакцией южноамериканского паука, умеющего отскакивать с пути револьверной пули. Аггрианские курсантки чётко выполнили главное требование – никого не убить. Но одновременно – нейтрализовать надёжно.

Следующих двух минут хватило Инге и Кристине, чтобы сбегать к машинам, вырвать, как сорную траву, пучки проводов из-под приборных щитков. И вернуться обратно.

Настя и Марина блокировали поваров и официантов внутри ресторана. Посоветовали сидеть тихо, никуда не звонить, ничего не видеть и не слышать.

Татьяна пистолетом поманила оцепеневшего за стойкой бармена Руслана. Стволом указала, где ему сесть. Майя убрала свой «вальтер» с промежности Арслана.

– Ну и как – повеселились мальчики?

Из всех мальчиков только один был в сознании, сидел на полу, сжав ладонями разбитое в кровавую кашу лицо. Хрипло поскуливал.

¹⁸ У мусульманских народов – обычай, имеющий силу права.

Девушки, убедившись, что несовместимых с жизнью травм никому не нанесли, обыскивали бесчувственные тела, выкладывали на стол оружие и пачки денег. Этого добра у каждого имелось изрядно.

– Ты не понимаешь, сейчас нам осталось шлёпнуть тебя и его, – Майя показала на бармена, – сунуть вам в руки эти нигде не зарегистрированные пистолеты и через час улететь в неизвестном направлении. А потом прокуратура пусть разбирается, из-за чего вы тут насмерть передрались...

– Сука, – со злобой и тоской процедил Арслан и немедленно получил от Татьяны такую зуботычину, что голова мотнулась, как у тряпичной куклы. Она сейчас выплёскивала всю накопившуюся за десятилетия ненависть. К таким вот бесцеремонным и наглым парням, что преследовали их, школьников и студенток на улицах, в парках и на танцплощадках, к тем, что заставляли её трястись от ужаса в захваченном бандитами «Бристоле», за многое другое.

– Ещё слово – всерьёз изувечу! – Голос её вибрировал на грани нервного срыва.

По счастью, почти тут же раздался звук ещё одного мотора – приехал наконец Лихарев. С ним ещё двое решительного вида мужиков с автоматами. Как будто они сидели у Валентина в полной боевой готовности и ждали команды. Возможно, так оно и было.

– О, какая неожиданная встреча, – заулыбался Лихарев, увидев Арслана в крайне унижительном положении. – Давненько не пересекались.

Тот особой радости при виде группы поддержки не испытал, но определённое облегчение – явно. Из ситуации наметился выход, а то кто знает этих сумасшедших баб, могли и привести свою угрозу в исполнение. Им, откровенно говоря, больше и делать почти ничего не оставалось. Шайка наёмных убийц какая-то, а не приличные курортницы.

Валентин сел напротив, жестом велел девушкам убрать тела с веранды. В кусты, подальше.

– И зачем же ты, Арслан, моих гостей обижаешь? Не по-мужски это. Девочки первый раз на юг приехали, и вдруг такое. Что они теперь думать станут? Дикари живут на Кавказе – вот что они подумают, и правильно сделают...

– Девочки, – пробурчал тот. – Спецназ ГРУ, а не девочки. Зачем не сказали, что твои гости? Мы бы сразу ушли. Ребята, мамой клянусь, ничего плохого к ним не имели. Если только по добромому согласию. Я вот этим, – он дёрнул подбородком в сторону Майи с Татьяной, – сразу так и сказал. Хотите хорошо провести время – всё как надо сделаем. А они за пистолеты. Зачем тогда без своих мужчин на юг ехать? Все за этим едут, никто потом не жалуется...

– Ладно, – кивнул Лихарев, приказал бармену всем налить. – Будем считать, что получилось недоразумение. Твоим парням урок – не распускать руки, пока дама не выразила явное и недвусмысленное согласие. Для верности можно лишний раз переспросить, этого ли именно она хочет, и не будет ли потом претензий. Дошло?

Арслан кивнул.

– Тебе – отдельный урок, ты-то давно не мальчик. Если видишь непонятное – три раза подумай, как поступить. Девять девушек ночью, без охраны, в таком месте... Необычно, да? Кто такие, зачем здесь, стоит ли вообще к ним подходить – стоило бы тебе об этом подумать. Здесь не твой родовой улус, здесь русский город.

– Ну, хватит, а? – не выдержал горец, залпом выпил свой стакан.

– Когда хватит, я сам знаю. Короче, считаем, ты меня понял. Что случилось – забыли. И мы, и ты. Пацанам своим накрепко объясни – подрались по пьянке, и всё. Где, с кем – не помнят. И упаси Аллах, если вспомнят. Ты меня знаешь. Я тебя тоже. И про все твои дела, и про многое другое. Не нарывайся – хуже будет.

Лихарев демонстративно медленно раскурил сигарету, взглядом ценителя осматривая поле боя.

– Вот теперь – хватит, – сказал он, посмотрев на часы. Ещё один психологический приём. – Давайте все вместе на посошок в знак дружбы и взаимопонимания, да и разойдёмся...

Глава 4

Лихарев приехал на микроавтобусе, и в него все легко поместились.

– Круто начинаете, девушки, – сказал он, когда, покрутившись по узким тёмным аллеям, вывел машину на освещённую дорогу. – В первый же день, и сразу такое приключение. Но оно даже и на пользу. Практическое занятие по теме номер тридцать семь. Справились успешно. Всем зачёт.

Курсантки сидели молча, слушали так, будто действительно руководитель подводит итог очередной вводной.

– А вот вы, дамы, – обратился он к Майе с Татьяной, – дурака сваяли. Эта «Чёрная роза» – известный притон. Здесь по ночам и крепким мужикам делать нечего, если они не в теме.

– Ты сам – в теме? – спросила Татьяна. После снятия поставленной Валентином матрицы она ничего не помнила об их сложных и запутанных квазиотношениях, воспринимала только как мужа Эвелин и приятеля Шульгина, Новикова и Ларисы.

– Я – да. Арслан держит парк – меня это не касается. Зато я, хоть и сам по себе, но в хороших контактах со смотрящим всего города. Так что можете ничего не опасаться. Однако впредь советую вести себя осмотрительнее. Во всех смыслах.

– Сто раз я бывала во всех кавминводских кабаках, в этом тоже, никогда со мной ничего не случилось, – не сдавалась Татьяна.

– Иногда достаточно один раз оказаться в ненужном месте. Второго не потребуется. Ладно, закончим, я вам не наставник. Хорошо, что без меня справились, и я, по случайности, поблизости оказался. Вас куда, домой? Или можно ко мне, попробуем исправить испорченный вечер...

– На сегодня развлечений и впечатлений достаточно, – ответила Майя. О том, что должен прилететь Ляхов, она почему-то Валентину не сказала.

Возле отеля «Бештау» Татьяна попросила остановиться.

– Мне тут нужно срочно кое с кем повидаться, если задержусь – не переживай, такси возьму...

Майя слегка удивилась. Ни о какой встрече подруга ей не говорила, может быть, просто не успела из-за стремительного развития сюжета. Для того и предложила отсечь от девочек. Или ей потребовалось с кем-то переговорить именно после того, что произошло? Насчёт Арслана, Лихарева... Только вот с кем здесь она может такой вопрос обсуждать?

Не сразу Майя сообразила, что Татьяна прожила на КМВ всю жизнь, связей и знакомств имеет предостаточно. Очень может быть, что и среди преступного мира. И теперь спешит доложить некоей персоне свою версию событий?

И – самое простое: уточнила у Ляхова, что Сергей с ним не приедет, после чего решила навестить любовника, в расчёте, что встречу легко сможет списать на случившийся инцидент.

В том, что любовник у Татьяны есть или должен быть, Майя почти не сомневалась. Они этой темы не касались и в самых откровенных разговорах, но по косвенным признакам...

Впрочем, не её дело. Она сама в Москве, до встречи с Вадимом, никогда не отказывала себе в случайных капризах. А Татьяна в этом смысле барышня не менее темпераментная и импульсивная. Представила, как Майя с Вадимом сегодня отведут душу, а ей придётся всё это воображать в обнимку с подушкой, и решила избежать такого стресса аналогичным способом. Но вот смеху будет, если Тарханов в последний момент всё-таки сумеет вырваться с другом хоть на денёк. Картина Репина – «Приплыли».

Как классная дама или ротный старшина, Майя развела подопечных по спальням, предупредив, что завтра с утра им предстоит встреча с одним человеком, от которого, возможно,

будет зависеть их дальнейшая судьба. И устроилась в гостиной перед экраном дальнови́зора. Ждать.

Ляхов появился, как и обещал, без пятнадцати три. Франтовато одетый в гражданский костюм, с букетом цветов, наверняка приобретённых ещё в Москве. Больше негде в такое время.

Майя, как положено жене, напоила его с дороги кофе, чарочку поднесла, терпеливо дождала, пока он выкурит сигарету, и только после этого повлекла к себе.

Они не были вместе больше трёх недель, и оба дали волю чувствам. На взгляд Майи, даже несколько чрезмерно.

Над горами уже зарозовело небо, когда она привела эмоции в порядок и принялась рассказывать всё, что произошло за вчерашний, страшно длинный день.

Вадим заинтересовался не столько самим фактом появления агтрианской команды с далёкой планеты: межвременные и межпространственные переходы давно были ему не в новинку, – а связанными с этим обстоятельствами. Значит, «старшие братья» снова ввязались в конфликт высшего порядка и неизвестно, когда и как из него выйдут. И правильно будет в ближайшее время рассчитывать только на себя. Впрочем...

Ему тоже показалось непонятным – в чём заключалась необходимость Левашову перемещать Лихарева с девушками именно сюда? Куда ведь проще было вернуться, позволить им завершить курс обучения. Или это специальный расчёт, часть очередного плана «братьев»?

Особо это касается Валентина. Дезертировал, воспользовавшись случаем? И сейчас, как ни в чём не бывало, нежится в объятиях своей Эвелин, занимается непонятными делами с криминальным оттенком. Как боевому офицеру такое поведение коллеги Вадиму было непонятно.

Там, на Валгалле, разворачивается очередная межзвёздная война, и ему, специалисту и единственному, можно сказать, мужчине среди сотни недоученных «юнкериц», следовало бы находиться на переднем крае. Или, по крайней мере, помогать организовывать эвакуацию, если дела идут совсем плохо.

Кроме того, непонятно, почему Левашов переправил экипаж флигера именно в этот Кисловодск. Логичнее было бы в другое место и время, туда, где не требовались сложные действия по их легализации. В двадцать пятый год, где у «Братства» «всё схвачено», а то и в новозеландский форт.

Нет, что-то тут явно не то.

Вадим, естественно, по малости срока пребывания в «Братстве» и незначительности ранга (всего лишь «кандидат»), не мог знать всей сложности комплекса технических и психологических проблем, с которыми «старшие» сталкиваются постоянно, и квалифицированно судить о причинах и целях их поступков. Но на то, чтобы строить правдоподобные гипотезы, его подготовки и природной сообразительности хватало.

Скорее всего, девушек переправили в Кисловодск специально. Или так: специально переправили Лихарева, по какой-то причине (Вадим был почти уверен, что знает, по какой именно), считая его присутствие на Валгалле нежелательным. А их – просто за компанию, раз они все находились «в одной лодке».

Сходится, но не совсем. Левашов ведь отчётливо сказал, что передаёт девушек под покровительство Майи, то есть фактически – его, Ляхова, ну и Сергея Тарханова соответственно, учитывая его «особые интересы» в этом регионе. Отчего не предположить, что в дальнейшем имеется какой-то специальный замысел?

В подробности того, что имело место на самом деле, на высших уровнях, Вадима не посвящали, но и без того он знал, как ему казалось, достаточно, а об остальном догадывался.

«Итак, что мы имеем? – соображал Ляхов. – Семерых выдернутых из своего мира девушек, брошенных в этот, якобы без цели и задания. Великолепно подготовленных в смысле боевых искусств, да и почти во всех остальных смыслах тоже.

Левашов мог бы сказать Майе всё, что нужно, открытым текстом. Но этого не сделал. Значит, имел основания».

Вадим не мог себе представить, зная стиль работы и возможности «Братства», что никаких конкретных планов у Олега в тот момент просто не было.

Сделал, что хотел и смог, выдернул людей из послесмертия, переправил, куда настройка СПВ и состояние континуума позволили, а о дальнейшем задумываться было ему недосуг. Более того, очень он себя неуютно чувствовал, всё время ощущая влюблённый взгляд Кристины. Ему казалось, что это замечают и Майя с Татьяной. Левашов до сих пор оставался в душе очень застенчивым человеком во всём, что касалось отношений с прекрасным полом. Почему с такой лёгкостью признал лидерство Ларисы: больше не требовалось принимать самостоятельных решений, а красота и прочие её способности и качества исключали потребность обращать внимание на любую другую женщину. Только вот с Кристиной невзначай случилось, да и то само собой, без всякой его инициативы. Стал, можно сказать, жертвой учебного эксперимента.

Но всего этого Ляхов знать не мог, отчего и начал искать усложнённые объяснения.

Наступило утро, Татьяна так и не появилась. Майя сказала, что если она с любовником, так бежать домой сломя голову в семь утра – полная глупость. Если занимается чем-то посерьёзнее – тем более. В любом случае, при необходимости позвонила бы. А так: «Я не сторож брату моему».

Вадим с ней согласился. Он-то уж наверняка не сторож чужой жене. Ему сейчас нужно было решить проблему совсем другого порядка.

Пока Майя в своей туалетной комнате оформляла внешность для грядущего дня, Ляхов, стоя на площадке винтовой лестницы, невольно стал свидетелем интересного каждому нормальному мужчине зрелища. Воспитанницы, проснувшись в привычное время, уверенные, что в доме нет посторонних, из своих комнат кинулись в душевую на этом же этаже. Никто не хотел спускаться в полуподвал, где мест хватило бы всем. Естественно, выбежали «о натюрель», шумели, смеялись, шутили на известные только им темы, толпясь у двери в ожидании очереди и выбегая из кабинки. Хорошо и весело им было. Вадим за них искренне радовался, одновременно думая о своём.

– Засмотрелся, извращенец? – Вадим дёрнулся от неслабого удара по затылку – Майя подкралась бесшумно.

– При чём тут – извращенец? Будущий командир изучает призывной контингент. Ты ведь сама захотела, чтобы я взял их на службу. А там, сама понимаешь, – казарменные нравы...

– Иди, иди, хватит с тебя. Сейчас я приведу их в порядок, потом поговорим.

– Со мной или с ними? – Если начатая женщиной тема тебе неинтересна или опасна, следует немедленно уводить разговор в сторону, не вступая в пререкания по сути.

– С тобой, со мной – и с ними, – ответила Майя, возвращаясь к роли классной дамы.

Вадим позвонил Лихареву, не заботясь, удобно это или нет в столь ранний час. Оказалось, что Валентин не только не спит, но и вообще находится сейчас в своей машине на пути к Пятигорску.

– К себе едешь?

– Да.

– Значит, жди меня там. Через полчаса-час буду.

Выяснять, устраивает ли его визит Лихарева, не нарушает ли каких-то планов, он не стал. И по нынешней должности научился исходить из того, что начальник всегда в своём праве, и в рамках условной «Табели о рангах» «Братства» отчётливо представлял, как он соотносится с Валентином.

– Машина у вас есть? – спросил он Майю.

– Тебе зачем?

– В Пятигорск сгоняю, к Лихареву. Нужно ведь разобраться, что на самом деле почём, и как с девочками быть. Я их готов взять к себе в «печенег», а вдруг – нельзя? И у «братьев» на них другие виды.

– Так тебе он и скажет... – Майя изобразила губами и бровями сомнение, смешанное с неприязнью.

– А то я у него спрашивать собираюсь. – Вадим рассчитывал, что жена сейчас воспринимает его не в качестве мужа, а как коллега, сотрудник прокурорской разведки, профессионал с гораздо большим стажем.

– Тогда у кого?

– До кого первого дозвонюсь.

По тону и взгляду Ляхова Майя решила, что большего он не скажет.

– Машина – в гараже. С шофёром поедешь?

– Да лучше бы с шофёром.

Вадим с удовольствием, конечно, проскочил бы сорок километров туда и столько же обратно за рулём хорошей машины, но «пацанские» инстинкты давно остались в прошлом. Слишком много разных вариантов возможны в пути, а также и на месте. А кто такой здешний водитель Иван Иванович, он знал.

Если не взводу штурмгвардии равен, то около того.

Робот, только что бывший чопорной дамой-экономкой, в несколько минут вернул себе облик сорокалетнего мужчины, выглядящего именно так, как и положено шофёру высокопоставленной персоны, и вывел из гаража синий кабриолет Ларисы.

Приехал полковник в дом на склоне Горячей горы, как и рассчитывал, минут на сорок позже Лихарева. Встретились дружески, пусть и знакомы были всего ничего, и виделись не при самых радостных обстоятельствах. Так ведь и жизнь у них по любому счёту совсем другая. Отнюдь не общечеловеческая.

– Сумеешь мне канал связи устроить с Новой Зеландией? – прямо спросил Вадим, после коротких, со стороны Лихарева чуть настороженных приветствий, чашки зелёного чая (на кофе Вадим уже смотреть не мог, не то что бы пить), сигареты.

– Так мне же не велено, – развёл руками Валентин. – Живи, сказали, как сможешь, и не высовывайся. Вот я и не собираюсь больше. Высовываться.

Усмехнулся в некотором роде вызывающе: хоть здесь я вас, друзья-приятели, ущучу. Приказали не подходить к своим приборам и ни в каких внешних делах не участвовать – так я с полным удовольствием. Однако вчера вечером, не прошло и полусуток, вызвали ваших девочек спасать. И сейчас господин полковник Ляхов примчался. За тем же самым.

– Давай-ка я тебя, Вадим Петрович, коньячком угощу из собственных подвалов, или в бильярд сгоняем, – теперь уже с откровенной насмешкой поймавшего свой профит¹⁹ человека предложил Лихарев. – Даже в гольф можно, есть тут подходящее поле. А с этими делами сам знаешь, к кому обращаться... У тебя же бумаги нет? Настоящей, окончательной?

Ляхов, выросший в другом мире, этой книги Булгакова²⁰ не читал. Однако суть понял.

– Рискованно играешь, Валентин, – ответил он. – У нас ведь дух и буква отличаются гораздо резче, чем у нормальных людей.

– А мне этого никто не сказал. Хочешь, процитирую прощальные слова Левашова, вчера утром сказанные?

¹⁹ Барыш, выгода (фр.).

²⁰ «Собачье сердце».

«Разместим девчат – и свободен. До особого распоряжения. Вернёшься домой, продолжай жить, как привык, но в полной готовности. Как израильский резервист. Никаких шуточек, хохмочек и прочих инициатив тебе впредь не дозволяется. Уловил?»

Лихарев прямо-таки цинично рассмеялся в лицо Вадима.

– Давай мне это «особое распоряжение». И я – прямо сейчас и сразу. Ты – уполномочен? Ну?

Издевательских и обидно-проигрышных случаев в своей жизни Ляхов встречал не так уж много. Но бывали, бывали. Теперь нужно неожиданно и резко приткнуть этого красавца.

– Не взнуздal, так и не нукай, – вспомнил Вадим подходящую поговорку. Вытащил из наплечной кобуры свой «адлер», что, конечно, не являлось хорошим тоном. Так ведь в другой тональности шутки шутить некогда.

– Дурочку со мной валять не надо. Я здесь сегодня «старший по команде», по причине отсутствия вышестоящего начальства. Полномочия имею. Что не так сделаю – сам и отвечу, – сказал он, начиная выходить из себя.

По своему нынешнему московскому положению собственное членство в «Братстве» и принадлежность Лихарева к инопланетянам казались Вадиму неважными. Флигель-адъютант полковник Ляхов не любил возражений.

«Но нет Востока, и Запада нет,
Что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу
У края земли встаёт?»²¹

В одном из виденных им фильмов гангстер Аль-Капоне говорил, что добрым словом и пистолетом можно сделать гораздо больше, чем просто добрым словом.

– Садись и пиши, – приказал Вадим.

«Я, такой-то, нарушил данное мною слово под непосредственной угрозой моей жизни со стороны такого-то. Каковой таковой, в свою очередь, признаёт, что принял на себя особые полномочия под воздействием крайней необходимости. В чём оба и подписуемся...»

Лихарев всё ещё медлил.

– Игратья со мной вздумал? Ты что вчера Арслану говорил? Так я для тебя запросто стану хуже, чем ты для Арслана. Знаешь такую статью – «Саботаж»?

И тут же слегка понизил тон:

– Валентин-Валентин, что же тебе спокойно не живётся? Учили тебя, учили, да не выучили. Неужто настолько ретивость в душе гуляет? Всё пропито, кроме чести? Так насчёт «честь» я бы не советовал особо распространяться. Не честь в тебе сейчас говорит, а голые понты. Как у Барона в пьесе господина Горького «На дне».

Лихарев скривил губы, то ли насмешливо, то ли презрительно. Достал его этот салага-полковник, на восемьдесят лет младший, но пытающийся играть под Шульгина. Не без успеха, впрочем, признал он.

– Шуток не понимаешь? Подожди, ещё научишься. И шуточкам, и кое-чему другому. Хотел я тебе показать, как бывает, когда слова буквально понимают. Увидел? Не такое увидишь, раз в наши забавы ввязался. А пистолетиком махать...

Ляхов откинулся на спинку кресла. Эта интермедия далась ему очень не просто. В то же время он чувствовал, что вёл себя правильно. Именно потому, что ввязался в совершенно ненужные ему забавы, неожиданно ставшие едва ли не главной составной частью новой жизни.

²¹ Р. Киплинг. Баллада о Востоке и Западе.

– Я просто хотел посмотреть, что за молодёжь нам на смену идёт, – очень мирно и рассудительно продолжил Лихарев. Глаза у него стали вдруг очень усталыми и старыми. Вторую сотню лет человек живёт, и какую сотню! Гражданскую войну захватил, со Сталиным сколько лет ежедневно встречался. – Хватит у тебя силы и характера такой груз на себя взвалить? – Очень сочувственно прозвучало. – Оно, может, проще было в Москве при своих занятиях оставаться? Теперь увидел – ты парень решительный, совсем даже не промах. Согласен. Помогу, и без всяких расписок. Мы с Шульгиным такие дела крутили – тебе и не снилось. Сталина обвели вокруг пальца, Ежова свалили... Он мне и без протокола на слово поверит. Пойдём в подвалы. Они там мою аппаратуру опечатали, мы её с твоей и божьей помощью распечатаем. И вперёд. На Таорэру летали, до Новой Зеландии как-нибудь доберёмся.

– Вот так бы сразу, – облегчённо вздохнул Вадим.

– Сразу знаешь, что бывает? – усмехнулся Лихарев. – Узнаешь, всему свой черёд...

Они спустились в подвал, отделённый от площадки массивной стальной дверью с кремальерным запором. Вспыхнули потолочные плафоны, Вадим увидел несколько шкафов и пультов технического назначения, похожих на те, что стоят в армейских узлах связи. Максима Бубнова сюда, тот бы быстренько разобрался, что к чему. А самому не понять, да и незачем. Ляхов подумал, не совершает ли очередную ошибку. Нет, едва ли. Если Лихареву позволено здесь жить, и установки сохраняются в рабочем состоянии, значит, именно в данном направлении от него пакостей не ждут.

– Новая Зеландия, говоришь? – бормотал Валентин себе под нос, включая рубильники, нажимая кнопки и перебрасывая тумблеры. Засветились открыто стоящие радиолампы, загудели умформеры и вентиляторы. По круглому зелёному экрану осциллографа побежали вдоль оси абсцисс разновысокие зубчатые волны. Совершенно как на кардиограмме.

– На пароход, говоришь, прямо на палубу? Сейчас, сейчас... Станция у них постоянно на приём должна работать, нам и делать почти ничего не придётся... Несущую частоту поймал – «и только...», – вдруг вспомнил он любимую присказку батки Махно, Нестора Ивановича.

На самом деле поиск частоты и выставление на циферблатах и пультах всех нужных позиций заняло минут пять, а то и больше. Вадим на часы не смотрел. Потом защёлкали реле, коротко взвыло что-то, спрятанное под изогнутым овальным кожухом, и между двумя коммутаторными стойками возникла графитово-чёрная, уходящая в никуда воронка. Ляхову показалось, что из неё потянуло нездешним, как принято выражаться, могильным холодом.

Тут же чернота сменилась синеватой флюоресценцией, еще секунда – и вот оно! Сначала по глазам ударил свет опускающегося к горизонту солнца, потом Вадим увидел угол кормовой рубки и надраенную тиковую палубу под ногами.

– Ух ты, как точно! – восхитился своему успеху Лихарев. – Метр в метр. Их установка прямо здесь, за стенкой... Ну, давай, выходи. Ищи своего Воронцова.

– А ты?

– Я здесь посижу. Мне волну держать нужно. На всё про всё тебе полчаса. У меня подходящего компьютера нет, а задачу «трёх тел» я в уме решать не умею. На глазок исключительно...

Ляхов перешагнул на палубу «Валгаллы», осмотрелся. Вода фьорда, покрытая мелкой зыбью, искрилась. На берегу виднелись крыши и зелёные аллеи посёлка. Пароход, очевидно, был готов к очередному походу – над задней трубой вился лёгкий дымок.

Уже через минуту его появление было замечено вахтенным унтером. Обладающий несколькими лишними органами чувств и абсолютной памятью андроид не только обнаружил на борту постороннего, но и мгновенно его идентифицировал. Этот человек принадлежал к имеющим все необходимые допуски, обладал именем и был занесён в судовую роль²².

²² Список лиц экипажа с указанием анкетных данных, а также значение, род и степень участия каждого в функциониро-

– Ваше высокоблагородие, господин Ляхов-второй²³, – пробасил сверхсрочный боцманмат²⁴, с серебряной дудкой на обширной груди, подкинув ладонь к бескозырке. – Так что господин адмирал на борту, прикажете проводить и доложить?

вании единого «корабельного организма».

²³ В Российском Императорском флоте офицеры-однофамильцы имели официальную и обязательную нумерацию в соответствии со старшинством по выслуге (но не по чину).

²⁴ В старом российском флоте звание строевого унтер-офицера 1-й статьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.